

Петроградъ.

Ж. 2 Ш.

№ 5.

1-й экз.

ОТЕЧЕСТВО

Гимнъ.

Да здравствуетъ Россія,
Великая страна!
Да здравствуетъ Россія!
Да славится она!

Да здравствуетъ Россія,
Великая страна!
Да славится Россія!
Да процвѣтетъ она!

Племя освободитель,
Державный Русскій мечъ,
Сверкай, могучій мститель,
Въ пожарѣ грозныхъ свѣчъ.

Не въ силѣ Боиъ, не въ силѣ,
А только въ правдѣ Онъ.
Мы правдой освятили
Свободу и законъ.

Да славится Россія,
Великая страна!
Да здравствуетъ Россія!
Да славится она!

ВЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 5.

ПЕТРОГРАДЪ.

6 ДЕКАБРЯ 1914 г.

НИКОЛИНЪ ЗАВѢТЪ.

НАРОДНОЕ СКАЗАНИЕ.

ЗА Онегой—гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ не трогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали, была у него семья большая—и всѣ сыновья на войну пошли воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ—и праздникъ пришелъ, престолъ въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху!—и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитъ онъ среди ночи звонъ. Прислушался—или вѣтеръ?—нѣтъ, звонили въ колоколъ. Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали, — говоритъ, — что?

— Да, — говорятъ, — въ колоколъ ударили.

Пошли къ церкви. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая—звѣзды, какъ птицы, плыли изъ конца въ конецъ, бѣлыя надъ бѣлой землей. Подошли къ колокольнѣ, смотрятъ—на колокольнѣ нѣтъ никого, а звонить... разъ пять ударило въ колоколъ.

Вызвался Филиппъ, дай самому развѣдать. Поднялся на колокольню и видитъ—стоитъ подъ колоколомъ старикъ, такъ нищій старикъ, ни руками, ни ногами не двигнетъ, а колоколъ звонить.

— Ты кто? — спрашиваетъ нищій старикъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?

А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милостиво:

«Филиппушко, моля, аль не признаешь?».

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, — ты меня, Никола угодникъ Божій. . и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я.—говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный,—я звоню, потому что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофію попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу,—сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ!—сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола ити Филиппу къ народу по землѣ родимой, — за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки, такъ сошелъ съ колокольни и рассказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру—пострадать за родимую землю.

Алексѣй Ремизовъ.

Леоидъ Амарсевъ ГРЕСНОСЫ

I.

КОНЕЦЪ ноября. Выпалъ снѣгъ, остановились рѣки. Зима. Ненастье въ Пруссіи и Галиціи: то холодный дождь, сѣкущій лицо, какъ градъ, то снѣгъ и морозы. Холодъ на Кавказѣ. Глубокая осень, канутъ зимы, во Фландріи. Залиты водой окопы и по всему побережью свирѣвствуютъ тѣ страшныя морскія бури, когда вѣтеръ валитъ съ ногъ человѣка, и по цѣлымъ ночамъ реветъ, не смолкая, темное разъяренное море.

Конецъ ноября. Какъ разъ то время, къ которому многіе приурочивали конецъ войны, не допуская и мысли, чтобы она продлилась долѣе четырехъ мѣсяцевъ. Что бывало прежде въ эту пору? Жизнь на природѣ замирала; загнанная ненастьемъ, вся культурная городская Европа забиралась въ тепло и открывала свои сезоны. Какъ бывали шумны и веселы города, болѣе свѣтлыя ночью отъ электрическихъ солнцъ, нежели въ тусклыя короткіе дни. Парижъ, Берлинъ, Лондонъ, Вѣна! Переполнены городскія подземныя и надземныя

дороги, толпы въ театрахъ и концертахъ; пора законодательныхъ собраній, живого обмѣна мыслей, литературныхъ и художественныхъ новостей, пора широкаго и энергичнаго общенія и творчества.

А что теперь съ Европой? Ее нельзя узнать, ее трудно вообразить. Насквозь пронизана она войной и вся, съ подошвы до вершины, содрогается непрерывной дрожью, какъ гора во время изверженія вулкана. Нѣтъ такого тихаго уголка, гдѣ не слышалась бы война, нѣтъ мѣста на всемъ протяженіи Европы, гдѣ не царил бы волненіе, страхъ, безпокойство, гдѣ не гадали бы о завтрашнемъ днѣ—одни въ тоскѣ и ужасѣ передъ возможною потерей, другіе съ упорною надеждой на какой то свѣтъ, который долженъ возсіять. Никто не живетъ, всѣ ждутъ. Символическая завѣса будущаго, которой никто не видалъ, хотя говорятъ о ней всѣ, теперь придвинулась къ самымъ глазамъ; почти осязаема рукою ея мистическая ткань. И никто не хочетъ и не можетъ жить,—всѣ ждутъ.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ГОРНЫХЪ ПЕРЕВАЛАХЪ.

II.

Свѣтъ, который долженъ возсіять. Онъ долженъ быть. Онъ близокъ, онъ гдѣ то здѣсь, за черной линіей горизонта, его мерцаніемъ напоена вся ночь войны, онъ близокъ—свѣтъ, который долженъ возсіять. Его отраженіе на блѣдныхъ лицахъ, его блескъ въ глазахъ умирающихъ на полѣ битвъ; угасая, самый мракъ смерти наполняютъ они сіяніемъ вѣры.

Кто знаетъ? Быть можетъ, это только миражъ, фата-моргана, одинъ изъ тѣхъ красивыхъ обмановъ, которыми полно странствованіе человѣка по пустынѣ. Призрачное озеро, у котораго не напиться воды ни однимъ жаждущимъ устамъ. Заведетъ, обманетъ и погубитъ; и только трупы, распростертые на пескѣ, расскажутъ о томъ, какая трагедія долгихъ блужданій, горячей вѣры и мертвого обмана разыгралась на этомъ мѣстѣ. Кто знаетъ! Но это фактъ неоспоримый, что еще никогда обманъ—если это обманъ—не облакался въ такія правдивыя и убѣдительныя формы. Но это фактъ, что еще ни разу со времени, быть можетъ, крестовыхъ походовъ не вѣрило человѣчество такъ изступленно, такъ всеобще и сильно—въ свѣтъ, который долженъ возсіять. «Съ мечомъ въ рукѣ, съ крестомъ въ сердцѣ».. не лозунгъ ли это новыхъ крестоносцевъ, поднявшихся на освобожденіе гроба Господня?

И какъ странно, что послѣ многихъ сотенъ лѣтъ Іерусалимъ снова становится ареной кровавой борьбы, уже упоминается въ статьяхъ и корреспонденціяхъ; древній Іерусалимъ, уже давно стоящій внѣ исторіи, почти уже не городъ, а только знакъ, нѣчто музейное, неподвижно застывшее подъ мертвымъ копакомъ почтенія. А пройдетъ еще нѣсколько этихъ необыкновенныхъ дней и смотришь: уже показались аэропланы надъ Іерусалимомъ, въ Геосиманскій садъ брошена бомба, пулеметы «работаютъ» на плоскихъ кровляхъ, гдѣ еще хранятся незримые слѣды божественныхъ ступней, у Кедронскаго потока кавалерія понтъ коней. Разсѣются ли чары воспоминаній? Кто окажется сильнѣе: жужжащая ли современность, въ видѣ стремительнаго аэроплана—или великіе образы минувшаго, тысячи лѣтъ молчаливо царящіе надъ тихой колыбелью христіанства?

И снова появились «невѣрные», гортаннымъ кличемъ зовутъ къ священной войнѣ, воскрешаютъ всѣ тѣ же прошедшія времена. Какъ будто не достаточно было однихъ германцевъ въ ихъ христіанскомъ домино, чтобы всему міру сдѣлать яснымъ смыслъ похода: красно-кровою чертою подчеркнуть ихъ Исламъ, красными фесками украсить головы «бѣлокурыхъ бестій». И это настоящая правда, что нѣтъ у турокъ лучшаго друга, нежели

ДОБЛЕСТНЫЯ БЕЛЬГІЙСКІЯ ВОЙСКА ВЪ ПОХОДѢ.

Германія; и вовсе не такъ смѣшонъ и глупъ пронесшійся въ Турціи слухъ, что Вильгельмъ II, императоръ германскій, вознамѣрился принять Исламъ: въ этомъ нѣмецкомъ «вицѣ», надъ которымъ не мало посмѣялись сочинившіе его Миллеръ и Штольцъ, нечаянно оказалась большая и страшная мысль.

III.

— На освобожденіе Гроба Господня! — кричали крестоносцы, садясь на корабли, чтобы плыть въ невѣдомую лазурную даль. И то же кричали женщины и дѣти, безъ оружія, безъ плана, безъ малѣйшаго сознанія опасности и риска толпами шедшіе на борьбу съ сарацинами. Вѣра была ихъ единственной силой, мечта — единственнымъ оружіемъ, — и сколько ихъ погибло, этихъ мечтателей.

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

на долгомъ и страшномъ пути, и какъ мало было глазъ, узрѣвшихъ священный городъ всечеловѣческой мечты!

— На освобожденіе Европы отъ германскаго милитаризма! — кричатъ современные крестоносцы, охваченные той же изступленной вѣрой въ близкій свѣтъ, который долженъ возсіять.

Восемь столѣтій прошло отъ той наивной поры до настоящихъ дней; все страшно измѣнилось по виду; другіе люди, другое оружіе и одежда, иные слова, иная углубленная мудрость, прошедшая сквозь сомнѣнія и вопросы. Искусилось въ знаніи человечество и, вооруженное крупновскими орудіями и летательными машинами, уже не такъ легко вѣрится въ сказки, научилось улыбаться скептически, жить и умирать безъ вѣры въ другое болѣе осмысленное бытіе. Но страдать оно не перестало, а страдая, не перестало оно и мечтать о

лазурныхъ невѣдомыхъ даяхъ, гдѣ въ солнечныхъ лучахъ сіяетъ бѣлизною «праведный городъ»; и взрывами своей мечты время отъ времени колеблетъ оно землю.

Но мечта ирраціональна: у нея нѣтъ ни точныхъ границъ, ни твердыхъ контуровъ, какъ и у праведнаго города, сіяющаго на горѣ — кто видѣлъ пламя и названіе его улицъ? И мечта шире всякой программы, ея содержаніе не втиснешь ни въ какія формы, ея потаеннаго смысла не исчерпаешь цѣлымъ лѣсомъ параграфовъ; больше настроеніе, чѣмъ мысль, свои цѣли она ставитъ за всѣми видимыми горизонтами. Пусть крестоносцы нашихъ дней провозглашаютъ нѣчто, совсѣмъ какъ бы точное: «освобожденіе Европы отъ гнета германскаго милитаризма», — по существу своихъ стремленій, въ ярости

вѣры, въ восторгѣ добровольной жертвы, они ищутъ и ждуть не меньшаго, чѣмъ тѣ, кто восемь вѣковъ назадъ шелъ безоружнымъ на «освобожденіе Гроба Господня». Энтузіазмъ — вотъ то необыкновенное состояніе, которымъ охвачены сейчасъ и арміи и цѣлыя народы.

Гдѣ пресловутая холодность уравновѣшенныхъ англичанъ? Гдѣ былая скаредная осторожность жизни французскаго мѣщанства? Гдѣ незыблемая, какъ бы на вѣки утвержденная, меркантильность анонимныхъ бельгийцевъ? Гдѣ наша роковая нерѣшительность, гдѣ мнительность наша, подрывающая силы, колеблю-

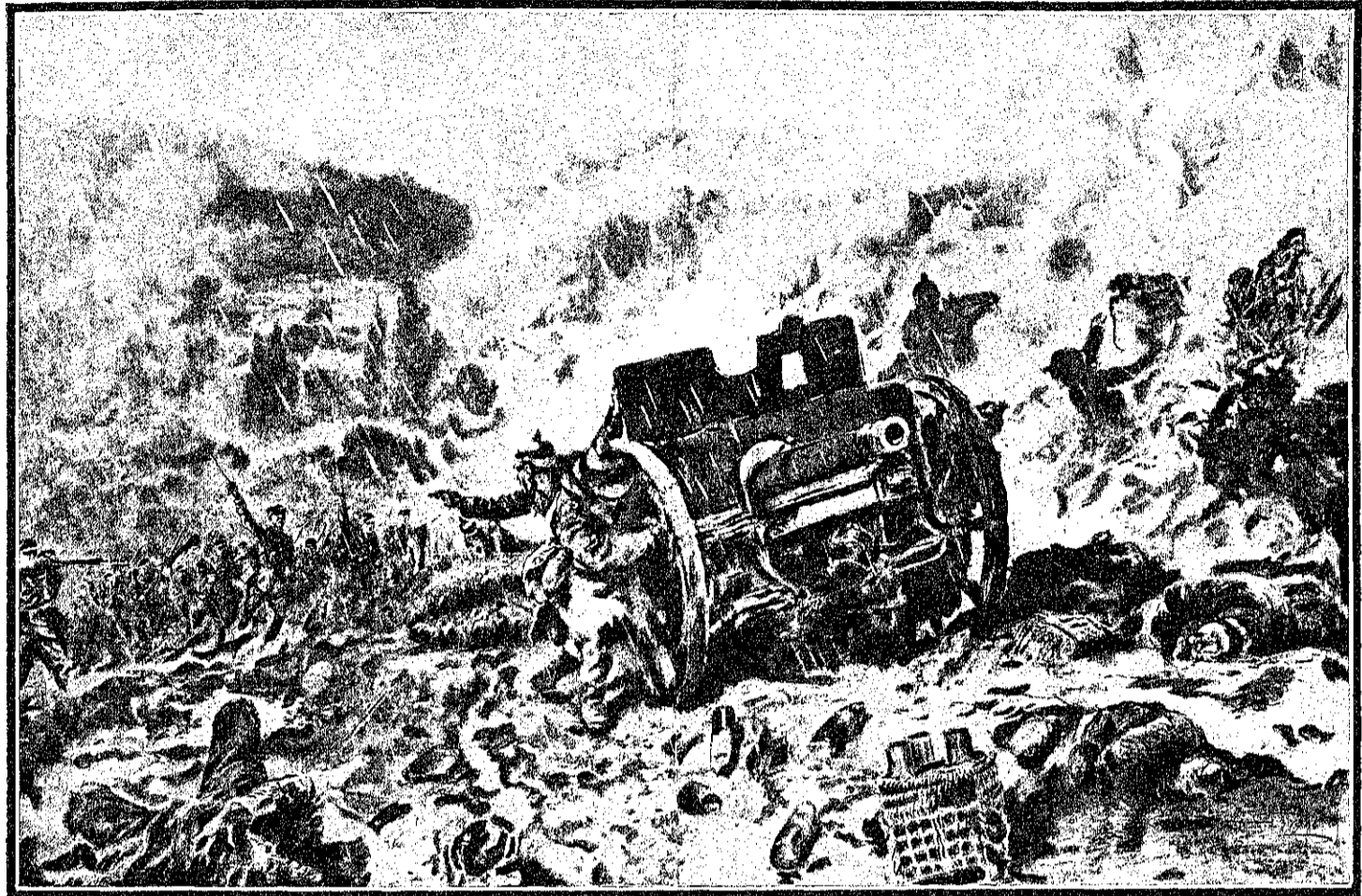
щая волю? Какъ факелы среди ненастной ночи, буйнымъ огнемъ пылаютъ души.

Сегодня все утро подъ моимъ окномъ черными на синѣгу толпами проходили призванные ополченцы — съ пѣніемъ, съ свистомъ, съ непрерывнымъ восторженнымъ и безпредметнымъ ура. Чему они такъ рады? Почему не голоса ихъ женщины, которыя быстро семяютъ рядомъ, еле успѣвая за ихъ размашистымъ шагомъ? Почему и вся улица радуется, встрѣчая ихъ, провожая, привѣтствуя и кланяясь? Но посмотрѣвъ я ближе на ихъ поблѣднѣвшія измѣнившіяся лица и вижу:

лежитъ на нихъ отраженіе свѣта, который долженъ возсіять.

IV.

И сегодня же одинъ больной, контуженный, слабый, преждевременно посѣдѣвшій офицеръ говорилъ мнѣ съ глубокой вѣрой:

Французская пѣхота атакуеть германскую батарею, увязшую въ размытой дождями почвѣ долины Бельфонтевь.

— Развѣ мы для корысти воюемъ? Намъ ничего не нужно. Это война освободительная.

И у него были голубые въ морщинахъ глаза, глаза хорошаго и честнаго человѣка, и скромно бѣлѣла шея за широкимъ воротомъ халата, и легко можно было представить, какъ онъ дома, прежде, ласкалъ своихъ дѣтей. Про «освободительную» войну онъ говорилъ спокойно, безъ волненія и готовности спорить; говорилъ, какъ про фактъ, который установленъ твердо и давно всѣмъ извѣстенъ. И я не сталъ его спрашивать дальше, что разумѣть онъ подъ словомъ освободительная—я зналъ, что всѣ другія слова, которыя онъ можетъ сказать, только ослабить и уменьшать силу этого слова—звука, перевесть его на какую-то плоскость, гдѣ станетъ оно и скучнымъ и колючимъ, какъ фея, обратившаяся въ ежа.

И я знаю, что кого бы я ни сталъ спрашивать изъ нынѣшнихъ крестоносцевъ, я ни отъ кого не получу ни вполнѣ яснаго, ни исчерпывающаго отвѣта о цѣляхъ настоящей войны, хотя отвѣтовъ будетъ и есть множество. Возрожденіе Польши, война противъ войны, борьба съ империализмомъ и милитаризмомъ, воссозданіе національныхъ единствъ, борьба христіанства съ язычествомъ, культуры матеріальной и механической

съ культурой живой и духовной... да, все это входитъ въ мечту, но не исчерпываетъ ее. Она шире всѣхъ формулъ, какъ бы широки онѣ ни были, ея сіяющая цѣль впереди всѣхъ видимыхъ и близкихъ цѣлей, ея божественной пѣсни не передать плоскими земными словами. Кто знаетъ! Быть можетъ то, къ чему сейчасъ стремятся, наступитъ только черезъ тысячелѣтія, быть можетъ оно есть завершеніе всего пути—а уже тянутся къ нему мириады рукъ, тянутся, вотъ вотъ схватить... призракъ ускользящій!

Но изступленно въруя, взрывомъ мечты своей неслыханно потрясши землю, съ яростью отрекаясь отъ вчерашняго дня—всѣми народами поднялся міръ на новый крестовый походъ, идетъ въ святую землю, хочетъ хоть разъ единый узрѣть усталыми глазами «справедный городъ», свѣтло сіяющій на высокой горѣ, среди далей лазурныхъ. И либо нынче весь міръ безуменъ, либо близокъ свѣтъ, который долженъ воссиять!

И пусть темна, встревожена, полна смятенія и страховъ подъятая войной Европа, пусть никто не живетъ, а всѣ только ждуть—мерцаніемъ близкаго свѣта напоена вся ночь войны.

Леонидъ Андреевъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ХУДОЖНИКА

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА.

НОВОЕ наше помѣщеніе оказалось лишеннымъ мебели, хотя бы самой примитивной, и мнѣ пришлось позаимствовать ее изъ ближайшихъ домовъ, главнымъ образомъ изъ покинутой нѣмецкой школы.

Въ результатѣ для генерала появился круглый столъ, нѣсколько стульевъ и даже темно-красное бархатное кресло, для прочихъ же пара бѣлыхъ столовъ и нѣсколько деревянныхъ кроватей.

Жить можно,—мѣшало лишь огромное количество мухъ, черными стаями сидѣвшихъ на потолкѣ.

Съ виду сосѣдняя деревня казалась покинутой, но когда стали проводить телефонъ, въ одиночнаго телефониста было сдѣлано на другой ея окраинѣ нѣсколько предательскихъ выстрѣловъ, на счастье не причинившихъ ему вреда. Деревню пришлось обыскать пѣхотой, причѣмъ генераль по обыкновенію занятый множествомъ важныхъ дѣлъ, кратко приказалъ мнѣ разобраться съ захваченными и поступить съ должною строгостью.

Стрѣлявшій, несомнѣнно, успѣлъ скрыться и послѣ обыска предо мною стояли четыре сѣдыхъ старика согрбленныхъ, больныхъ и одна старуха, оставленные своими во время бѣгства или, быть можетъ, не хотѣвшіе оставить насѣженныхъ гнѣздъ даже передъ надвигающейся бурей. Ни при нихъ, ни въ ихъ домахъ никакого оружія найдено не было.

Одинъ изъ нихъ и теперь стоитъ предо мною, какъ

ГЛАВА I.

Первый походъ въ Восточную Пруссію.

(Продолженіе).

живой. Посохъ въ рукахъ, древесное, неподвижное, точно высвѣченное изъ вывѣтреннаго камня библейское лицо съ сѣдыми прядями падавшихъ изъ подъ шляпы волосъ, и на немъ такая глубокая, безысходная и вмѣстѣ до ужаса спокойная скорбь, которую, казалось, уже ничѣмъ нельзя увеличить.

Послѣ краткаго допроса я объяснилъ имъ, что не сдѣлаю имъ никакого вреда, но оставаться въ районѣ позиціи, особенно въ виду выстрѣловъ изъ ихъ селенія, разрѣшить не могу. Этотъ день они проведутъ въ сѣнномъ сараѣ подъ карауломъ, а на утро будутъ отправлены съ конвоемъ на восемь верстъ въ тылъ до одного изъ нѣмецкихъ селеній, гдѣ еще есть жители.

Я предложилъ имъ хлѣба. Всѣ взяли, но тотъ, съ каменнымъ лицомъ, отказался. Я спросилъ его, неужели онъ не голоденъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ: «Была жена—умерла. Было два сына,—убиты. Я ничего не хочу кромѣ смерти».

Что могъ я сказать этому старику. Я положилъ ему руку на плечо и произнесъ, указывая другою на небо, два простыхъ, неуклюже сдѣланныхъ мною нѣмецкихъ слова: «Gott ist». Но онъ не отвѣтилъ ничего, и черты его были по прежнему недвижны. И много ихъ было такихъ, чью жизнь раздавила желѣзными своими ободьями грузно катящаяся по полямъ колесница Войны. Но другихъ было во много разъ больше.

М. В.
1881/917

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЕ.

М. В. ДОБУЖИНСКАГО СЪ ВОЙНЫ.

Весь край кишѣлъ передѣтыми нѣмецкими солдатами,—шпіонами, убійцами изъ-за угла, сигнализаторами и поджигателями, которые даже въ случаяхъ прямого захвата на мѣстѣ преступленія по большей части избѣгали заслуженной кары. Обыкновенно ихъ забирали,

кончалось тѣмъ что ихъ отправляли въ Россію въ качествѣ плѣнныхъ или, всего чаще, просто отсылали въ тылъ.

Мы, русскіе, умѣемъ драться, но намъ всегда трудно принудить себя раздѣлываться со связаннымъ человѣкомъ.

Тягостное впечатлѣніе отъ только что видѣнныхъ мною стариковъ томило меня и мнѣ хотѣлось отвлечься. Я тутъ же нашель случай отправиться вмѣстѣ съ какимъ то коннымъ ординарцемъ отвезти приказанія въ одну изъ частей, расположенную при деревнѣ К-ѣ, верстахъ въ шести отъ нашего жилища. Въ тѣ же края направлялся казачій офицеръ съ нѣсколькими своими казаками.

Ѣхали вмѣстѣ, очень быстро, какими то путанными лѣсными дорогами, и въ оживленной бесѣдѣ время пролетѣло незамѣтно.

Вручивъ пакетъ и отпустивъ назадъ ординарца, я сдѣлалъ крюкъ въ нѣсколько верстъ еще, чтобы увидѣть море, и сталъ торопиться домой, потому что времени прошло довольно много.

Я опасался возвращаться лѣсными дорогами, которыя плохо примѣтилъ за разговоромъ, и рѣшилъ ѣхать къ югу по шоссе до поворота на другое, приводящее въ конечномъ счетѣ къ мѣсту, гдѣ мы жили.

Уже въ какой-нибудь полуверстѣ отъ перекрестка я

вспомнилъ, что придется проѣзжать у селенія Л., высокимъ участкомъ шоссе, по которому нѣмцы отлично пристрѣлялись и били съ большой точностью. Генералъ съ самаго начала приказалъ чтобъ ординарцы по этому шоссе не ѣздили и направлялись окольными путями.

Но ѣхать назадъ было лѣнь, перекрестокъ былъ совсѣмъ рядомъ и по обычной русской манерѣ думалось, что сойдемъ и такъ. Какъ разъ въ это время все было тихо, и ни съ нашей ни съ нѣмецкой стороны не было слышно ни единого выстрѣла.

Я подѣхалъ къ повороту благополучно и свернулъ на другое шоссе. Впереди въ пятистахъ шагахъ подвигалась навстрѣчу группа какихъ то всадниковъ, человѣка въ четыре. Вдругъ выстрѣлъ позади, мгновенный вой снаряда и оглушительный взрывъ неподалеку влѣво.

Я пришпорилъ коня и, нахлестывая его нагайкой понесся карьеромъ по шоссе. Всадники впереди тоже ударили по лошадямъ и мчались навстрѣчу.

Сбоку, вдоль шоссе, стремительно мелькала кинематографическая лента какихъ-то строгостей. Смутно помню полуразрушенный господскій домъ, облицованный блестящими кирпичами, должно быть построенный не безъ претензій на стиль. Какія то черныя дыры оконъ, пробитыя стѣны, торчащія трубы, полуобвалившіяся башни... Какое то пожарище... Какіе то каменные сараи...

Всадники пролетѣли мимо. Снаряды гудя взрывались то сбоку, то спереди, и шрапнельныя пули звонко щелкали по каменнымъ стѣнамъ. Пять минутъ грохота и бѣшеной скачки, и разомъ тишина, точно не было ничего. Дорога пошла ниже.

На сей разъ сошло! Усталая лошадь перешла на шагъ. Принимаюсь распаливать незажигаемую нѣмецкую трубку.

Размышляю.

Всего хуже, въ итогѣ, досталось лошади. Она и такъ была порядкомъ разбита на ноги за послѣдніе дни, но послѣ этой скачки пришлось ее смѣнить.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я сидѣлъ на скамейкѣ въ плодовомъ саду близъ того дома, гдѣ мы жили подъ большимъ каштаномъ. Кругомъ была тишина. День умиралъ успокоенный, ясный и теплый. Тонкія кольца табачнаго дыма плыли въ воздухѣ, напоенномъ дыханіемъ свѣжаго сѣна и спѣлыхъ яблокъ. Надъ осенними поздними травами слабо жужжали шмели. Легкія перистыя облачка нѣжной волнообразной тканью розовѣли на закатѣ. И было все такъ безбурно, и было все такъ прекрасно и просто, точно не было ни войны, ни окровавленныхъ труповъ, ни взрытыхъ гранатами темныхъ и грозныхъ полей.

Изъ кустовъ выбѣжалъ бѣлый кроликъ и сѣлъ передо мною, настороживъ уши, круглый забавный шаръ. Я взялъ его на руки, онъ не испугался. Должно быть, онъ былъ ручнымъ и его, убѣгая, забыли. Продолжать держать его, я подошелъ къ дому. Генераль стоялъ на крыльцѣ и курилъ. Я молча показалъ ему кролика.

Онъ долго смотрѣлъ на него и на его всегда суровомъ лицѣ я уловилъ съ удивленіемъ тѣнь волненія и нѣжности.

«Онъ ничего не знаетъ о войнѣ. Позаботьтесь, чтобъ ему не сдѣлали вреда».

Генераль повернулся и ушелъ въ домъ.

Я не забылъ о кроликѣ. Онъ почевалъ въ комнатѣ, въ углу глубокой деревянной кровати, наполненной сѣномъ. Его кормили капустными листьями и, когда мы убѣжали, я, оставшись послѣднимъ, пустилъ его въ садъ. Пусть онъ ничего не узнаетъ о войнѣ.

Утромъ я отправилъ нѣмецкихъ стариковъ въ тылъ. Утромъ же мнѣ пришлось увидѣть еще двухъ шпионовъ, уже несомнѣнныхъ.

Одинъ былъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ, здоровый, плечистый, бѣлоглазый, румяный тѣмъ яркимъ румянцемъ во всю щеку, который кажется почти не натуральнымъ. Широкое грубое лицо, короткая щетка рыжеватыхъ волосъ, низкій, жестокій лобъ и свирѣпо закрученные подъ кайзера усы.

Онъ былъ схваченъ при попыткѣ поджога, подъ платьемъ нашли электрическій фонарь съ разноцвѣтными перемѣн-

ными стеклами для сигнализаци и короткій кинжалъ со слѣдами крови.

Я только что слышалъ отъ кавалеристовъ изъ другого отряда, какъ у нихъ пропалъ развѣздъ съ офицеромъ и послѣ они нашли своихъ мертвыми, связанныхъ, съ вырѣзанными языками и десятками мелкихъ колотыхъ ранъ на тѣлѣ.

Я смотрѣлъ на шпиона, на его свѣтлые какъ вода, ничего не выражающіе глаза и все во мнѣ дрожало отъ ярости. Наверно, вотъ именно такіе, съ такими же плоскими, точно изъ дерева вырубленными лицами и водянистыми бессмысленными глазами, связавъ нашихъ товарищей, вырѣзывали имъ языки и съ довольной улыбкой на своихъ толстыхъ губахъ, сопя отъ наслажденія, кололи ихъ неглубоко и медленно, много разъ, чтобъ продлить мученія.

Я спросилъ его что-то, онъ отвѣтилъ грубымъ ругательствомъ. Нельзя не жалѣть безпомощныхъ стариковъ, но къ этому не можетъ быть жалости.

Его судьба была совсѣмъ иная. Его кинжалъ надо думать, больше не отвѣдаетъ русской крови.

Еще одна незабываемая фигура прошла передо мною. Это была шпионка.

Молодая дѣвушка, стройная, золотокудрая, съ легкой поступью и гордо откинутой назадъ головой.

На ней одежда крестьянки, но она носитъ ее такъ, какъ носятъ модныя платя. Руки бѣлыя избѣженныя, не знающія труда.

Ее замѣтили на одной изъ передовыхъ позицій. Въжливо попросили уйти. Послѣ на другой, на третьей. То же самое. Уходила, а черезъ нѣкоторое время попадалась опять. Наконецъ арестовали, обыскали, нашли фотографическій аппаратъ, снимки позицій, шифръ, сигнализационныя флажки. Жила она, какъ

оказалось, въ отличной господской усадьбѣ въ лѣсу. Съ ней вмѣстѣ взяли ея старика-отца. Помню я спросилъ ея имя, она презрительно повела бровями и не отвѣтила ничего.

Она была отправлена подъ конвоемъ въ одинъ изъ Штабовъ. Впослѣдствіи, во время нашего отступленія, уже на русской землѣ я встрѣтилъ ее вновь, неподалеку отъ Нѣмана. Конвойные везли обонхъ на обывательской фурманкѣ. Дѣвушка сидѣла прямо, не стигаясь рассыпаться золотыя волны ея непослушныхъ волосъ. Больше я ее не видѣлъ.

Серѣга К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бельгійскій король Альбертъ поздравляетъ командира одного изъ французскихъ полковъ.

ОСИРОТЬЛЫЯ.

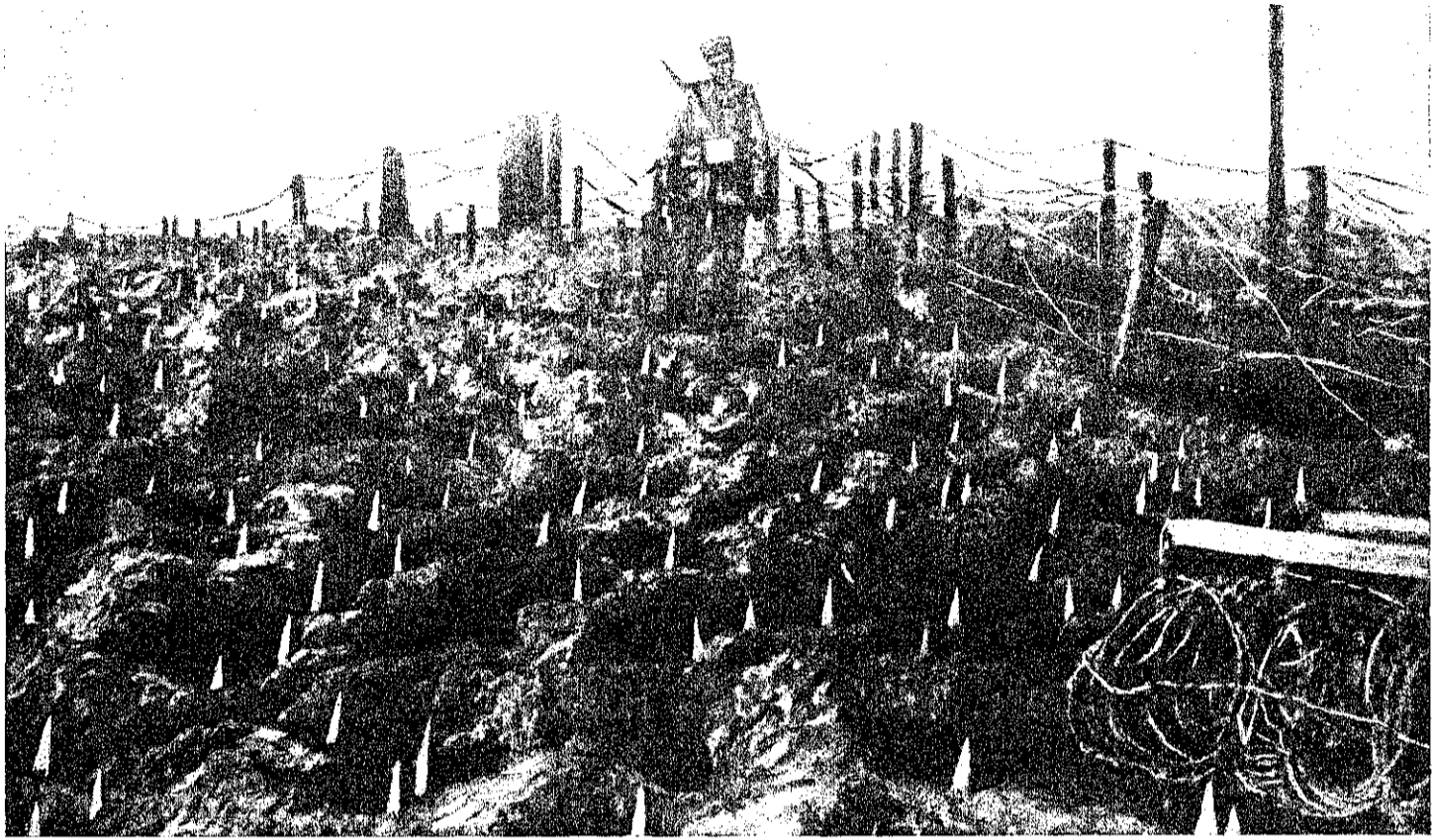

СЪ ВОЙНЫ. ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ.

27 окт. 1914 г.

... Писалъ тебѣ 24-го изъ Германіи, а вотъ сегодня снова изъ Россіи. Таковы превратности войны. Произошло слѣдующее. 24 мы ночевали въ Дорбнерѣ (это

южнѣе Staluponen'a), утромъ 26-го выступили въ авангардѣ съ однимъ полкомъ— До 11 час. дня шли спокойно, вѣдѣвъ не было. Около полудня завязался слѣва, въ сосѣдней дивизіи бой, но по насъ не стрѣляли, и мы шли впередъ. Дошли до Sogeln и вотъ тутъ появились разрывы въ нашу сторону. Мы выѣхали на позицію фронтомъ на юго-западъ. Только начали окапываться, намъ передали, что свадя кавалерія и

НѢМЕЦКІЯ МѢРЫ ЗАЩИТЫ.

нужно поворачивать орудія кругомъ. Сдѣлали это. Спусти
1/2 часа началась по насъ пристрѣлка германскихъ гау-
блицъ. Мы тоже открыли огонь. Начались у насъ потери,
но мы все стрѣляли хорошо. У меня былъ окопъ сбоку
батареи, гдѣ сидѣлъ я съ тремя телефонистами,

—нѣмцы блин вдоль. Вскорѣ раз-
рывомъ шрапнели контузило двоихъ телефонистовъ, и я
остался съ однимъ. Нѣмцы нашу батарею стали засыпать
снарядами. Патроны были у насъ на исходѣ, поднести ихъ
пзъ-за огня было невозможно. Словомъ часамъ къ 3 на
батареѣ осталось 6—7 человекъ, я, еще двое офицеровъ
и 1 телефонистъ. Въ это время мнѣ передали (по теле-
фону), чтобы приготовиться къ отраженію нѣмецкой пѣ-
хоты. Около 4 ч. дня я увидѣлъ въ 1—1 1/2 верстѣ гер-
манскія цѣпи. Начали они стрѣлять по насъ, пули такъ
и свистѣли надъ головой. Высунешь голову и уже свиститъ.
Потомъ подѣхалъ еще ихъ пулеметъ. Приказано было,
если вижу цѣпи, стрѣлять самому. Я скоро увидѣлъ ихъ
много. Пришлось вылезать и бѣжать къ орудіямъ подъ
ружейнымъ огнемъ. Пробѣжалъ. Составилъ два орудія и
открылъ огонь.

Едва открылъ огонь, начали снова рваться на батареѣ нѣ-
мецкія шрапнели и гранаты. Пришлось лежать въ не-
оконченномъ ровикѣ на-бoku. Когда стихло, снова началъ
стрѣлять, но патроны уже были на исходѣ. Снова нѣмцы
пустили «очередь», которой убили одного наводчика и ра-
пили офицера. А цѣпь подходит! На батареѣ всѣ ранены,
легко—ушли, а кто тяжело остался.

Осталось 4 человека «номеровъ».
Патроновъ нѣтъ. Я снова перебѣжалъ въ свой ровикъ. Около
4 1/2 ч. дня съ батареи прибѣжали ко мнѣ оставшіеся нижніе
чины и кричали, что нѣмцы наступаютъ, и сейчасъ заберутъ
орудія, чтобы я съ ними бѣжалъ, но какъ же убѣжать, бро-
сить батарею? Я остался. Одинъ «номеръ» былъ тутъ же убитъ
ружейной пулей въ голову. Трое залѣзло ко мнѣ въ ровикъ,
а одинъ молодчина побѣжалъ къ орудію, разыскалъ нѣ-

сколько патроновъ и сталъ стрѣлять по наступающимъ цѣ-
пямъ. Это ихъ задержало. Тогда онъ, выпустивъ патроны,
побѣжалъ снова меня звать уйти, а когда я не пошелъ, то
побѣжалъ въ батарею, и оттуда снова стрѣлялъ по
цѣпямъ. Я по телефону передалъ командиру дивизиона, что
батарею атакуетъ нѣмецкая пѣхота и я прошу помощи.
Передали, что идутъ двѣ роты. Но нѣмцы уже были ша-
гахъ въ 200. Я видѣлъ, какъ они бѣжали, ложились и
стрѣляли. Мы всѣ уже попрощались другъ съ другомъ,

Нашей пѣхоты все еще не было. Отъ батареи стрѣ-
ляли по нѣмцамъ,—и это ихъ немного задерживало. На
батареѣ у орудій остались только раненые, цѣпи нѣмцевъ
были ближе и ближе.

Я все время по телефону просилъ поскорѣ пѣхоты на
выручку. Уже щелкали пули по щитамъ, изъ окопа нельзя
было высунуть голову, такъ свистѣли пули. Мы были го-
товы къ смерти или плѣну. И вотъ тутъ Господь намъ
помогъ. Раздался выстрѣлъ и крики нашей пѣхоты. Не-
много спустя затрещалъ пулеметъ. Двѣ наши роты бѣгомъ
спѣшили на выручку, и вотъ нѣмцы побѣжали назадъ.
Подумай, какое счастье. Черезъ 1/2 часа стемнѣло, и мы
увезли орудія и ящики. Ночью мы перешли границу и
вернулись обратно (въ Россію).

Вотъ что бываетъ на войнѣ, вотъ тебѣ эпизодъ совре-
меннаго боя, вотъ и примѣръ подвига наводчика Солныш-
кова, который выстрѣломъ задержалъ непріятеля и далъ
возможность пѣхотѣ подойти. Счастье, что былъ цѣль те-
лефонъ, не будь его, я не писалъ бы этого письма. По
все въ рукахъ Божьихъ, и безъ Его воли ничто не слу-
чится.

Уже 11 ч., и я иду спать. Сегодня сплю подъ крышей,
но на соломѣ, и то роскошь, вчера спалъ въ окопѣ...

И.

КУБАНСКІЕ И УРАЛЬСКІЕ КАЗАКИ. (Изъ дѣйствующей арміи).

ПУТЬ ВОЙНЫ.

За минувшій мѣсяцъ мировая война прошла путь, отмѣченный цѣлымъ рядомъ крупныхъ событій. Не останавливаясь на деталяхъ этихъ хорошо всѣмъ памятныхъ эпизодовъ, лишь вкратце намѣтимъ кровавый путь, пройденный войной въ теченіе ноября.

1 ноября началось сраженіе между Вартой и Вислой, въ которомъ германцы развили наивысшее боевое напряженіе, чтобы сломить сопротивленіе нашей арміи, отбросить ее къ югу и снова подойти къ Варшавѣ. Но цѣлый мѣсяцъ упорныхъ боевъ не далъ нашему врагу успѣха.

4 ноября германская эскадра обстрѣляла городъ и портъ Либаву, выпустивъ 700 снарядовъ и произведя нѣсколько пожаровъ.

5 ноября, близъ Севастополя произошло морское сраженіе между нашимъ Черноморскимъ флотомъ и турецкими крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау», причемъ «Гебену» нанесены были значительныя поврежденія.

6 ноября на фронтѣ между Вислой и Вартой германцамъ удалось въ районѣ Пюнтека прорвать линію нашего расположенія и устремиться широкой лавиной по направленію на Брезинны, однако, прорывъ этотъ окончился тѣмъ, что совершившіе его непріятельскіе корпуса попали въ мѣшокъ изъ нашихъ войскъ и только съ большими усиліями имъ удалось выбраться оттуда съ громадными потерями.

10 ноября наши войска опрокинули на всемъ фронтѣ къ западу отъ Юзь-Верана турецкую армію и принудили ее къ послѣдному отступленію по направленію къ Эрзеруму.

13 ноября наши войска направляясь къ Кракову взяли австрійскій городъ Бохию, упорно обороняемую австрійцами, вслѣдствіе чего наши войска безпрепятственно подходятъ къ фортамъ Кракова. Австрійская армія была опрокинута и отброшена за форты Кракова. Въ этотъ же день выяснилось, что германскій планъ прорвать наше расположеніе на лѣвомъ берегу Вислы и окружить часть нашихъ войскъ потерпѣлъ полную неудачу.

17 ноября на лѣвомъ берегу Вислы развивались бои на

всемъ фронтѣ отъ Иллова до Щерцова. Наступленіе противника успѣха не имѣло и наши корпуса сохранили на всемъ фронтѣ свое расположеніе. Въ этотъ день сербскія войска эвакуировали Бѣлградъ.

19 ноября въ дѣйствующую армію прибылъ Государь Императоръ.

20 ноября сербская армія перешла въ наступленіе противъ австрійцевъ.

21 ноября впервые въ бою на лѣвомъ берегу Вислы появились наши бронированные автомобили и нанесли противнику большой уронъ. Сербскія войска продолжали свое наступленіе и имѣли успѣхъ.

22 ноября началось успѣшное наступленіе въ Бельгій союзныхъ войскъ. Въ Аргоннахъ завязался горячій бой, причемъ французы имѣли успѣхъ. Перевезя часть своихъ войскъ на восточный фронтъ для дѣйствій противъ насъ, германцы не въ силахъ сдерживать бурныя атаки союзниковъ.

23 ноября по стратегическимъ соображеніямъ наши войска очистили Лодзь. Наступленіе союзныхъ войскъ къ сѣверу отъ Ипра методически развивается. Сербы нанесли пораженіе австрійской арміи и начали ее энергично преслѣдовать. Германско-австрійскія войска начали обходить крайняго лѣваго фланга нашихъ войскъ къ югу отъ Кракова, но потерпѣли неудачу и понесли жестокія потери.

25 ноября близъ Фалькландскихъ острововъ произошелъ морской бой между Британской эскадрой адмирала Фредерика Стерда съ германскими крейсерами. Бой длился 5 часовъ и закончился полнымъ пораженіемъ германской эскадры адмирала Ширее. Были потоплены германскіе крейсера «Шархорстъ» «Гнезенау» «Лейпцигъ» и «Нюренбургъ», кромѣ того было захвачено два германскихъ угольщика.

27 ноября наши войска перешли въ наступленіе на правомъ берегу Вислы и отбросили въ безпорядкѣ германскія колонны на фронтѣ Цѣхановъ-Праснышъ.

Г.

ПОВѢСТЬ, ОКОНЧЕННАЯ БЛАГОДАРЯ ПУЛѢ.

I.

КОЛОМБЪ, сѣвъ за работу послѣ завтрака, наткнулся къ вечеру на сильное и сложное препятствіе. Коломбъ писалъ повѣсть, взявъ центромъ ея стремительное перерожденіе женской души. Молодой человекъ и его возлюбленная, увлекшіеся модными ложными теоріями, въ день карнавала снаряжаютъ повозку, убранную цвѣтами и лентами, и, одѣтые оба въ пестрые праздничные костюмы, ѣдутъ къ городской площади, въ самую гущину толпы. Здѣсь, послѣ неожиданной среди веселаго гула короткой и страшной рѣчи, они бросаютъ снарядъ, — месье толпѣ, казнь ее за преступное развлеченіе, и гибнуть сами. Злодѣйское самоубійство ихъ преслѣдуетъ цѣлыя: протестъ буржуазному обществу.

Такъ собираются они поступить. Но таинственные законы духа, наперекоръ рѣшимости, убѣжденіямъ и міровоззрѣнію, приводятъ героиню разсказа къ спасительному страху передъ задуманнымъ. За то время, пока экипажъ ихъ движется среди восклицаній, смѣха, музыки и шумнаго оживленія улицъ къ роковой площади — въ душѣ женщины происходитъ переворотъ. Похитивъ снарядъ, она прячетъ его въ безопасное для жизни людей мѣсто и становится, — изъ разрушительницы, — человекомъ толпы, бросивъ возлюбленнаго, чтобы жить обыкновенной, простой, но по существу, глубоко человѣчной жизнью людскихъ потоковъ, со всеми ихъ правдами и неправдами, паденіями и очищеніями, слезами и смѣхомъ.

Коломбъ искалъ причину этой благодѣтельной душевной катастрофы. Онъ самъ не принималъ на вѣру разныхъ «вдругъ» и «накопцевъ», коими писатели часто отдѣлываются въ трудныхъ мѣстахъ. Онъ требовалъ ясной динамики человѣческаго духа. И вотъ, съ вечера пятаго дня работы, всталъ онъ, какъ сказано, втупикъ предъ не малой задачей: понять то, что еще не создано; создать самымъ процессомъ по-

нимація причины внутренняго переворота женщины, по имени — Фай.

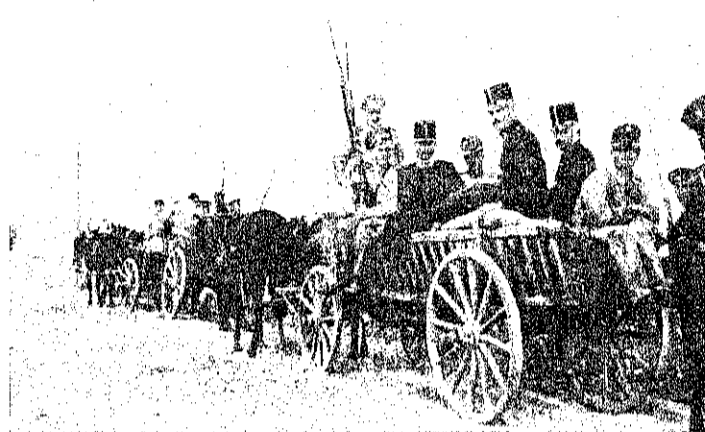
Онъ сталъ писать, зачеркивать, вырывать листки, курить, прохаживаться, съ головой полной всевозможныхъ предположеній относительно героини. Онъ размышлялъ, не показать ли пробужденіе въ ней долго подавляемыхъ инстинктовъ женской молодости. Веселый громъ карнавала не могъ ли встряхнуть сектантку, привлечь ее, какъ женщину, къ соблазнамъ поклоненія, усильховъ, любви? Но это плохо вязалось съ ея характеромъ, сосредоточеннымъ и глубокимъ. Къ тому же подобное разсвѣнное, игривое настроеніе немыслимо въ ожиданіи смерти.

Опять нужно было усиленно курить, метаться по кабинету, тереть лобъ и мучиться. Коломбъ обратился къ естественнымъ чувствамъ жалости и страха передъ отвратительнымъ злодѣяніемъ; это было вполне возможно, но отъ состраданія къ полному разрыву съ прошлымъ по убѣжденію — совсѣмъ не такъ близко. Кроме того, эта версія не соотвѣтствовала художественному плану Коломба — она лишала повѣсть значительности крупнаго событія, дѣлая ее достаточно тенденціозной и въ дурномъ тонѣ. Мотивы поведенія Фай должны были явиться въ блестящ органически свойственной каждому иѣкой внутренней трагедіи, приобретающей этимъ общее, независимое отъ даннаго положенія, значеніе; сюжетъ повѣсти служилъ, такимъ образомъ, лишь одной изъ формъ вѣчнаго драматическаго момента.

Безплодно комбинируя на разные лады различныя состоянія души, прибавилъ онъ къ нимъ еще животный страхъ смерти.

Это подало ему иѣкоторую, быстро растаявшую надежду, — такъ какъ унижало въ его глазахъ глубокой и незаурядный характеръ. Онъ гнѣвно швырнулъ перо.

— Какъ, уже вечеръ? — сказалъ онъ, смотря въ потемнѣвшее окно, и не слыша шаговъ сзади.

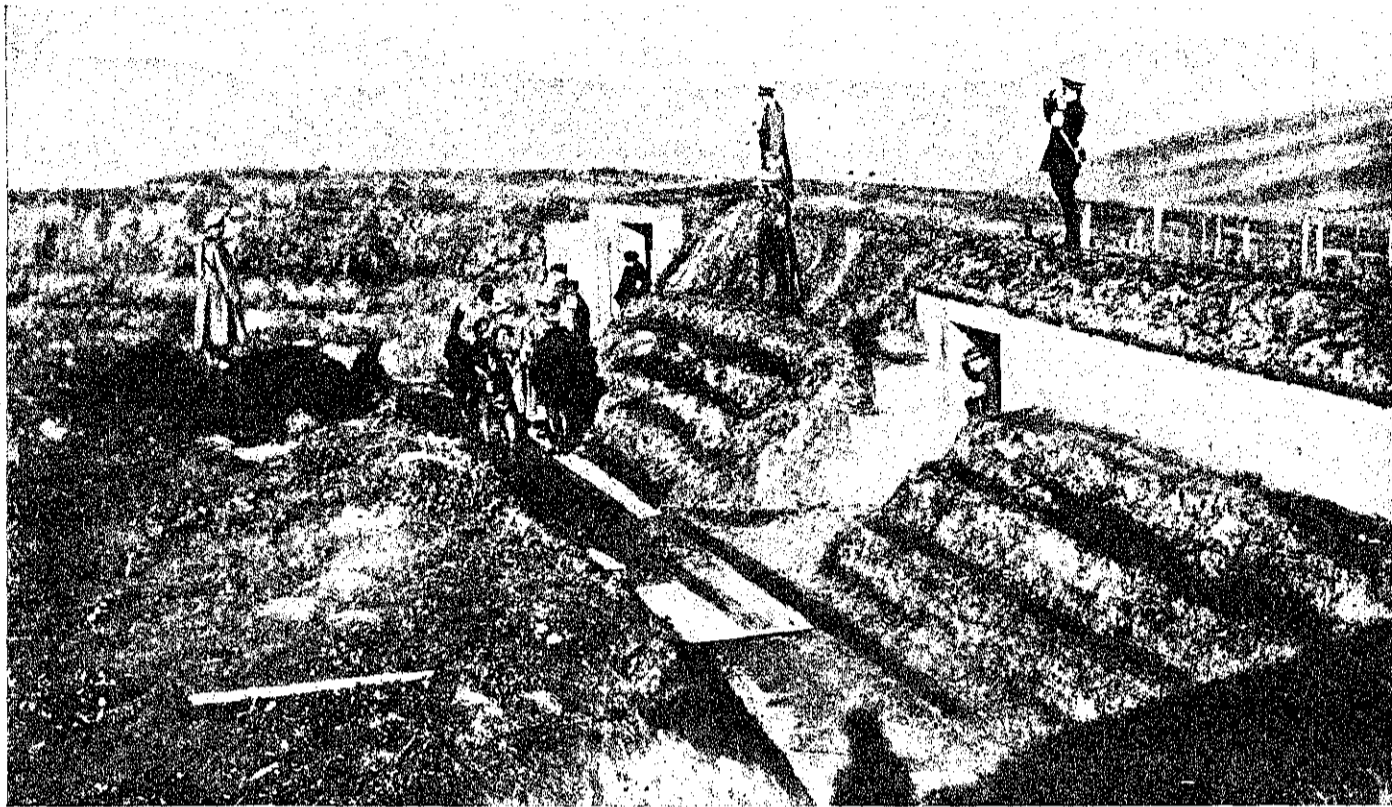
Раценныя австрійцы въ русскомъ пѣвну.

Австрійскій солдатъ объясняетъ русскимъ на рисунокѣ форму одежды австрійской арміи.

На досугѣ. Пѣвннй австрійскій солдатъ борется съ русскимъ.

АВСТРИЙСКІЯ ТРАНШЕН, ПОКИНУТЫЯ ПРИ ПРИБЛИЖЕНІИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

— Удивительно, — возразилъ поѣздитель, — какъ вы обратили на это вниманіе, да еще вслухъ. Именно — вечеръ.

— Да, вечеръ, — вздыхая обернулся Коломбъ. — Ну, какъ вы живете, Брауль? А? Счастливыи вы человекъ, Брауль.

— Чѣмъ? — сказалъ Брауль.

— Вамъ не нужно искать сюжетовъ. Особенно теперь, въ годъ войны.

— Я корреспондентъ, вы — романистъ, — сказалъ Брауль, — меня читаютъ полчаса и забываютъ.

— А все-таки...

— Если вы завидуете скромному корреспонденту, мѣтръ Коломбъ, — поѣдте со мной на передовыя позиціи.

— Вотъ что!? — воскликнулъ Коломбъ, пристально смотря въ дѣловые глаза Брауля, — странно, что я еще не думалъ объ этомъ!

— Зато думали другіе. Я къ вамъ явился сейчасъ съ формальнымъ предложеніемъ отъ журнала «Театръ Жизни». Отъ васъ не требуется ничего, кромѣ вашего имени и таланта. Журналъ проситъ личныхъ впечатлѣній писателя.

Коломбъ размышлялъ. — Можетъ быть, если я временно оставлю свою повѣсть въ покоѣ — она отстоитъ въ глупой моей головѣ. Предложеніе Брауля вправилось ему рѣзкой новизной положенія. Трагическая обстановка войны развернулась передъ его глазами; но и тутъ, въ мысленномъ представленіи знаменъ, пушекъ, атакъ и выстрѣловъ носился неодолимый, загадочный образъ Фай, ставшій своеобразной болѣзью. Коломбъ ясно видѣлъ лицо этой женщины, невидимой Браулю. — Ничто не мѣшаетъ мнѣ, наконецъ, думать въ любомъ мѣстѣ о своей повѣсти и этой негодяйкѣ — рѣшилъ Коломбъ, — разумеется я поѣду, это нужно мнѣ, какъ человекъ и какъ писателю.

— Ну, ѣду, — сказалъ онъ, — я, правда, не баталистъ, но, можетъ быть, сумѣю принести пользу. Во всякомъ случаѣ, я буду стараться. А вы?

— Меня просили сопровождать васъ.

— Тогда совсѣмъ хорошо. Когда?

— Я думаю, завтра въ три часа дня. Ахъ, господинъ Коломбъ, эта поѣздка дастъ вамъ гибель подлиннаго, интереснаго матеріала.

— Конечно. — «Что думала она, смотря на веселую

толпу»? Тыфу, отвяжись! — вслухъ разсердился Коломбъ, — это сводить меня съума!

— Какъ? — встрепенулся Брауль.

— Вы ее не знаете, — насмѣшливо и озабоченно пояснилъ Коломбъ, — я думалъ сейчасъ объ одной моей знакомой, особѣ весьма страннаго поведенія.

II.

Двухчасовой путь до Л. ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго пути въ вагонѣ, не считая двухъ — трехъ пассажировъ, пораженныхъ событіями до полной неспособности говорить о чемъ либо, кромѣ войны. Брауль поддерживалъ эти разговоры до послѣдней возможности, ловя въ нихъ тѣ мелкія подробности настроеній, которыя считалъ характерными для эпохи. Коломбъ разсѣянно молчалъ или произносилъ заурядныя реплики. Первое оживленіе его затихло. Вчера и сегодня утромъ онъ съ гордостью думалъ о предстоящихъ ему — вѣрнѣйшихъ его изображенію — дняхъ войны, ея герояхъ, бытѣ, жертвахъ и потрясеніяхъ, но къ вечеру ожиданія эти потеряли остроту, уступивъ тоскливому, неотвязному безпокойству о неоконченной повѣсти. Съ топчущейся на мѣстѣ мыслью о героинѣ свѣлъ онъ въ вагонъ, пытаясь временами, бессознательно для себя, сосредоточиться на туманѣ темы.

Отъ Л. путь сталъ инымъ. Поѣздъ миновалъ здѣсь ту естественную границу, позади которой войну можно еще представлять, имѣть дѣло съ ней только мысленно. За этой чертой, впереди ея призраки войны являлись дѣйствительностью. У мостовъ стояли солдаты. На вокзалѣ въ Л. расположился большой пѣхотный отрядъ, лица солдатъ были тверды и сумрачны. Вагоны опустѣли, пассажиры мирной наружности исчезли; зато, время отъ времени появлялись офицеры, одиночные солдаты съ сумками, какіе то чиновники въ полувоенной формѣ. Въ купѣ, гдѣ сидѣлъ Коломбъ, вошелъ кавалеристъ, свѣлъ и уснулъ сразу, безъ сѣвоты и промедленія. Въ сумеркахъ окна Брауль замѣтилъ змѣвидныя насыпи и показалъ Коломбу на нихъ; то были брошенные окопы. Иногда сломанное колесо, дышло, разбитый зарядный ящикъ или трупъ лошади, съ неуклюже поднятыми ногами, безмолвно свидѣтельствовали о битвахъ.

ВЫГРУЗКА РАНЕННЫХЪ.

— Поездъ не идетъ дальше, — сказалъ кондукторъ, какъ бы вскользь, что произвело еще большее дѣйствіе на Коломба и Брауля. — Да, не идетъ, путь испорченъ.

Онъ хлопнулъ дверью и тотчасъ же фонарь его мелькнулъ за окномъ, направляясь къ другимъ вагонамъ.

Кавалеристъ проснулся, какъ и уснулъ — сразу. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ долго и основательно ругалъ пруссаковъ, затѣмъ, перенаривъ положеніе, сталъ жаловаться, что у него нѣтъ подъ рткой лошади, его «Прекрасной Марии», а то онъ отмахалъ бы остатокъ дороги шута. У кавалериста было грубоватое, правильное лицо съ быстрыми и навными глазами. Въ концѣ концовъ, онъ предложилъ путешественникамъ отправиться вмѣстѣ.

— Я тутъ всѣ деревни кругомъ знаю, — сказалъ онъ; — за деньги дадутъ повозку.

— Это намъ на руку, — согласился Брауль, — а пѣшкомъ много идти?

— Нѣтъ. На Гарнашъ или Помъ? — Солдатъ задумчиво поковырялъ въ ухѣ. — Пойдемъ на Гарнашъ, оттуда дорога лучше.

Рѣшивъ слѣдовать за своимъ случайнымъ проводникомъ, путешественники вышли изъ унылаго, пропахшаго грязью и керосиномъ, станціоннаго помѣщенія, держа въ рукахъ саквояжи.

Черезъ полчаса Коломба обратился къ Браулю:

— Вы не устали? — спросилъ онъ снисходительнымъ тономъ новичка, ретиво берущагося за дѣло. — Что касается меня, то мои ноги не жалуются.

— Теперь недалеко, — сообщилъ кавалеристъ. — Скоро придемъ. — Ходить трудно; — прибавилъ онъ, помолчавъ; — я разъ ѣхалъ, вижу, солдатъ сидятъ. Чего бы ему сидѣть? А у него ноги не дѣйствуютъ; ихъ батальонъ тридцать миль ночью сдѣлалъ. И такъ бываетъ — человекъ идетъ — вдругъ упалъ. Это — обморокъ отъ слабого сердца.

III.

Въ Гарнашѣ не менѣе часа путешественники потратили на обходъ домовъ, разговоры и торгъ, пока удалось имъ отыскать помѣстительную повозку, и свободнаго ея хозяина. Человекъ этотъ, по имени Гильомъ, зналъ мѣстность отлично. Хорошая плата сдѣлала его проворнымъ. Коломба, сидя въ темнотѣ у воротъ, не успѣлъ докурить вторую папироску, какъ повозка была готова. Размѣстивъ вещи, путешественники усѣлись, толкая другъ друга колѣнями и Гильомъ, стегнувъ лошадь, выѣхалъ изъ деревни.

— Поговариваютъ, — сказалъ онъ, пустивъ лошадь рысью, — что пруссаки показываются миляхъ въ десяти отсюда. Только ихъ никто не видѣлъ.

«Тупъ-тупъ-тупъ»... — стучали копыта. Движеніе во тьмѣ, по извилистой, встряхивающей, неизвѣстной дорогѣ принадлежало къ числу любимыхъ ощущеній Коломба. Бездѣльно и нетребовательно, прислушивался онъ къ мрачному сну равнинъ. Вскорѣ начался лѣсъ. Переходъ отъ открытыхъ мѣстъ къ стиснутому деревьями пространству былъ замѣтенъ, благодаря тьмѣ, лишь по неподвижности ставшаго еще болѣе сырмъ воздуха, запаху гнилыхъ листьевъ и особенно отчетливому стуку колесъ, переѣзжающихъ огромные корни.

Слѣва, загремя въ долгимъ эхомъ, раздался выстрѣлъ.

— Ого! — сказалъ Гильомъ. Кавалеристъ привсталъ. Коломба и Брауль выхватили револьверы. Гильомъ бѣшено размахивая кнутомъ, пустилъ лошадь вскачь. Повозка ринулась, подъ бойко застучавшими выстрѣлами, въ дремучую глубину лѣса. Эхо стрѣльбы, раскатисто рвущее тишину, усиливало тревогу. Немногія восклицанія, которыми успѣли обмѣняться путники, были, скорѣе, выраженіями чувствъ чѣмъ мыслей. Коломбу чудились восклицанія, свистъ пули; одна изъ нихъ, пущенная наугадъ вдоль дороги, дѣйствительно была имъ услышана; рѣзкій, короткий свистъ ея оборвался щелчкомъ въ попутный древесный стволъ.

Повозка мчалась, немилосердно встряхивая пассажировъ. Выстрѣлы стихли, оборвались. Наступила пауза, въ теченіе которой слышалось лишь болѣзненное хрипѣніе лошади и трескъ прыгающихъ колесъ. Затѣмъ, какъ бы заключая цѣпь впечатлѣній, грянулъ послѣдній выстрѣлъ; случаю было угодно, чтобы на этотъ разъ пуля достигла цѣли. Коломба, пробитый пулею насквозь — подскочилъ, задохнувшись на мгновеніе отъ боли, вскрикнулъ и сказалъ: — «Меня ударило». Онъ опустился на руки Брауля. Гильомъ свернулъ въ чащу лѣса и остановилъ лошадь.

IV.

Коломбу много разъ приходилось, конечно, задумываться надъ ощущеніями раненаго человека и даже описывать ихъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ. Основой этихъ переживаній, не будучи самъ знакомъ съ ними, онъ считалъ самыя тяжелыя чувства: испугъ, тоску, отчаяніе,

и т. д. Люди, стоящіе передъ лицомъ смерти, казались ему похожими другъ на друга внутренней своей стороной.

А было такъ: за выстрѣломъ послѣдовалъ краснорѣчивый, горячій толчекъ въ спину. Немедленно же представлеіе о пулѣ и ранѣ соединилось съ колющей, скоро прошедшей болью внутри грудной кѣтки. Первая мысль была о смерти, то есть, о неизвѣстномъ, и была поэтому собственно мыслью о предстоящей, потерѣ сознанія, на что сознаніе отвѣтило возмущеніемъ и недоумѣніемъ. Весь моментъ напоминалъ растерянность въ моментъ внезапнаго паденія.

Къ счастью путниковъ, повозка не зацѣпила колесами о стволы и пробилась довольно далеко въ глушь. Тряска лѣсной почвы была, однако же, нестерпимо мучительна для Коломба. Наконецъ, лошадь остановилась. Гильомъ, помогая Коломбѣ сойти, прислушивался къ монотонной тишинѣ ночи; ни топота, ни голосовъ не было слышно въ сторонѣ нападенія. По всей вѣроятности, нѣмедкій развѣдъ ограничился стрѣльбой наугадъ, по слуху, не зная съ кѣмъ и съ какимъ числомъ имѣеть дѣло; или же, сбитый съ толку беспорядочнымъ лѣснымъ эхомъ, пустился въ другомъ направленіи.

Растерявшійся Брауль освѣтилъ фонаремъ Коломба, сидѣвшаго прислонясь къ дереву.

— Ну и разбойники, — сказалъ кавалеристъ, помогая корреспонденту снять куртку Коломба. Отъ сломаннаго, выступающаго наружу, ребра, сочилась темная кровь. Вся рубашка была въ пятнахъ. Несмотря на все, Коломбъ чувствовалъ своеобразное любопытство къ своему положенію. Видѣ мокраго, темнаго передка рубашки страшно взволновалъ его, но не испугалъ. Волненіе поддерживало его силы. Организмъ, осваиваясь съ необычайнымъ состояніемъ, противился дѣйствию разрушенія; сердце жестоко билось, во рту было сухо и жарко.

— Однако, — сказалъ Коломбъ, — лучше бы намъ сѣсть въ повозку и ѣхать. — Онъ упирался руками въ землю, желая подняться и застоналъ. — Нѣтъ, не выйдетъ ничего. Но вы поѣжайте.

— Глупо, — сказалъ Брауль, развертывая бинты. — Разставьте руки. — Онъ сталъ перевязывать раненаго, говоря: — Все это моя затѣя. Что я скажу обществу и редакціи? Вамъ очень больно?

— Боль глухая, когда я не шевелюсь.

— Поступимъ такъ, — сказалъ солдатъ. — Мы, — я и дядя Гильомъ мигомъ устроимъ носилки, и понесемъ васъ потихонечку, господинъ Коломбъ. Гильомъ, есть веревка?

— Есть; хватило бы повѣсить кой кого изъ этихъ стрѣлковъ. — Гильомъ сталъ шарить въ повозкѣ, а кавалеристъ, захвативъ фонарь, отправился за жердями. Скоро послышался чавкающій стукъ его палаша. Брауль сдѣлалъ Коломбѣ тугую, крестообразную перевязку, заставилъ раненаго лечь на разостланный плащъ и сѣлъ рядомъ.

V.

Коломбъ зналъ уже, что рана сквозная и, хотя это обстоятельство говорило въ его пользу, — ждалъ смерти. Онъ не боялся ея, но ему было жалко и страшно покидать жизнь такой, какой она была. Потрясеніе, нервность, торжественная тѣма лѣса, внезапный переходъ тѣла отъ здоровья къ страданію — придали его одѣвкѣ собственной жизни ту непогрѣшимую, суровую ясность, какая свойственна сильнымъ характерамъ въ трагическіе моменты. Несовершенство своей жизни онъ видѣлъ очень отчетливо. Въ сущности, онъ даже и не жилъ по настоящему. Его воля, хотя и бессознательно, была всецѣло направлена къ охраненію своей индивидуальности. Онъ отвергалъ все, что не отвѣчало его

наклонностямъ; въ живомъ мірѣ любви, страданій и преступленій, ошибокъ и воскресеній онъ создалъ свой особый міръ, враждебный другимъ людямъ, хотя этотъ его міръ былъ тѣмъ же самымъ міромъ, что и у другихъ, только пропущеннымъ сквозь призму случайностей, настроенія, возведенныхъ въ законъ. Его ошибки въ сферѣ личныхъ привязанностей граничили съ преступленіями, ибо здѣсь, по присущей ему невнимательности, допускалось похищеніе чужой души, со всеми его тягостными послѣдствіями въ видѣ обидъ, грусти и оскорбленности. Въ любви онъ напоминалъ человѣка, впотѣмахъ шагающаго по цвѣточнымъ клумбамъ, но не считающаго себя виновнымъ, хотя могъ бы освятить то, что требовало самаго нѣжнаго и священнаго вниманія. Это былъ магическій кругъ, осиное гнѣздо души, полагающей истинную гордость въ черствой замкнутости, а пороки — неизбѣжной тѣнью оригинальнаго духа, хотя это были самые обыкновенные, мелкіе пороки, извиняемые, якобы, двойственностью природы. Его романы тщательно проводили идеи, въ которыхъ онъ не вѣрилъ, но излагалъ ихъ, потому что онѣ были парадоксальны, какъ и все его существо, склонное къ выгоднымъ для себя преувеличеніямъ. Сколько неоконченныхъ вещей бросилъ онъ, видя ихъ независимую отъ него, естественную тенденцію стать простымъ изображеніемъ жизни, что почиталось имъ за грѣхъ, какъ вульгарность! Такъ, даже въ произведеніяхъ своихъ, ухаживалъ онъ отъ пониманія жизни и работы надъ ней... Жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ она представилась ему теперь, казалась нестерпимо, болѣзненно гадкой. Не смерть устрашала его, а невозможность, въ случаѣ смерти, излечить прошлое. — «Я долженъ выздороветь», сказалъ Коломбъ, — «долженъ, невозможно умирать такъ». — Страстное желаніе выздороветь и жить иначе, — было въ эти минуты преобладающимъ.

И тутъ же, съ заглушающей муки души, радостью, Коломбъ увидѣлъ, то, что такъ тщетно искалъ для героини неоконченной повѣсти. Не теряя времени, онъ приступилъ къ аналогіи, Она, какъ и онъ, ожидаетъ смерти; какъ онъ, жалѣетъ покинуть жизнь въ несовершенномъ ея видѣ. Какъ онъ — она человѣкъ касты; ему замѣнила живую жизнь — привычка жить воображеніемъ; ей — идеология разрушенія; для обоихъ люди были матеріаломъ, а не цѣлью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубійство.

— Наконецъ-то, — сказалъ Коломбъ вслухъ пораженному Браулю, — наконецъ-то я рѣшилъ одну психологическую задачу — это относится, видите ли, къ моей повѣсти. Въ основу рѣшенія я положилъ свои собственные теперешніе переживанія. Поэтому-то она и не бросила снарядъ, а даже помѣшала преступленію.

— Коломбъ, что съ вами? Вы бредите!? — испуганно вскричалъ Брауль.

Коломбъ не отвѣтилъ. Онъ погрузился въ безпамятство — слѣдствіе волненія и потери крови.

— Носилки готовы, — сказалъ, волоча грубое сооруженіе, кавалеристъ. — Ну, въ путь, — и да поможетъ намъ Богъ!

Коломбъ остался живъ, и ему, не только для повѣсти, но и для него самого очень, очень были полезны тѣ размышленія, въ которыхъ, ожидая смерти, онъ провелъ всего, быть можетъ, съ полчаса. Но и вся жизнь человѣческая коротка, а полчаса, описанные выше, стоятъ иногда цѣлой жизни.

А. С. Гринъ.

За обѣдомъ (изъ дѣйствующей арміи).

ДНЕВНИКЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

10-го.

МИЛЫЙ К.! Лежу, по обыкновенію, въ окопѣ и слушаю, какъ гудитъ земля. Хорошій бой сегодня идетъ. Не знаю почему, но въ нашу сторону ничего не прилетаетъ: ни «гостинцевъ», ни «чемодановъ». («Гостинцы» — шрапнель, которая разрывается въ воздухѣ, «чемоданъ» — снарядъ тяжелого орудія, который рвется на землѣ отъ удара. Такой «чемоданъ» попалъ недавно въ костеръ, возлѣ котораго солдаты варили картошку — и ничего потомъ не нашли, ни костра, ни чемодана, ни картошки, ни солдатъ. А за день передъ тѣмъ такой же чемоданъ попалъ въ двухъ солдатъ, несшихъ на носилкахъ раненаго, и тогда отъ троихъ людей нашли только одну ногу). Сегодняшній бой интересенъ тѣмъ, что съ нашей стороны впервые работаетъ тяжелое орудіе.

Я самъ бывалъ на артиллерійскомъ наблюдательномъ пунктѣ, смотрѣлъ въ знаменитую трубу «Цейса» и видѣлъ: вотъ, какъ на ладони, стоитъ тяжелое нѣмецкое орудіе и лѣвино, какъ бы нехотя, шлетъ время отъ времени убійственный «чемоданъ»; вотъ кусокъ шоссе, по которому проходятъ нѣмецкія колонны, скачутъ верховые, катятъ автомобили — и все это, и орудіе, и движеніе по шоссе находятся виѣ нашего огня: ни легкая полевая, ни мортирная не достаютъ до нихъ.

Объ этой безнаказанности только и разговору было до сихъ поръ. И вотъ теперь, къ великому изумленію нѣмца, начинаютъ и съ нашего фронта долетать до него тяжелые «чемоданы».

Ходилъ я сегодня далеко и поразила красотой боевого поля. Неровное холмистое поле между оживленныхъ, полныхъ войскъ деревень, съ большимъ сосновымъ боромъ на лѣвомъ флангѣ, надъ которымъ безпрестанно рвутся шрапнели; и всюду, куда ни взглянешь, кипитъ работа, желтѣютъ глинистые валы окоповъ. Цѣлыя квартиры въ землѣ вырыты: у моего ротнаго великолѣпная комната съ телефономъ. Въ цѣломъ является какое-то радостное чувство, — такъ пріятно смотрѣть на эту воинскую энергичскую работу. И особенно это чувство поддерживается еще тѣмъ, что по временамъ, то тамъ, то здѣсь, застанетъ вдругъ «гостинецъ» — и трахъ!.. И все время кажется, что снарядъ летитъ именно на тебя...

Съ завтрашняго дня наступаетъ конецъ нашему сравнительному благополучію и вмѣств — нашей несравненной скукѣ; ротный заявилъ сегодня, что съ завтрашняго дня прикрытіемъ артиллеріи будутъ два другіе взвода роты, а наши два вернутся къ полку, т. е. станутъ въ окнахъ того

самаго поля, о которомъ я говорилъ. Мало того, придется ходить въ сторожевку, это уже совсѣмъ близко къ нѣмцу: въ стороженкѣ то любопытно, что тамъ — пули, а шрапнели нѣтъ. Объ этихъ сторожевкахъ рассказываютъ любопытныя вещи:

Встрѣчи тамъ съ нѣмцами весьма часты, иногда, какъ рассказываютъ, бѣгаютъ шагахъ въ трехстахъ отъ ихъ окоповъ.

Ну вотъ, пока и все, что могу сказать тебѣ сегодня. Заканчиваю письмо у офицеровъ. И сейчасъ, когда писалъ тебѣ, вошелъ начальникъ батареи и поздравилъ всѣхъ съ полученіемъ батареей георгиевскихъ серебряныхъ трубъ. Это за бой 23-го числа, о которомъ я писалъ тебѣ, когда 4 орудія нѣмецкихъ отбили.

Твой Андрей.

11-го.

Милый К..., въ послѣдніе два дня мнѣ приходится видѣть самое, кажется, красивое, что можно на войнѣ увидѣть. Прежде всего — необыкновенная красота пейзажа. Это такъ: впереди, прямо на нѣмца — очень холмистое поле съ деревенькою впереди, украшеною золотомъ чудесныхъ молодыхъ березокъ; на лѣвомъ флангѣ — густой, высокій сосновый боръ, а на правомъ — гора, деревенька на которой засыпается ежедневно снарядами. То поле, что впереди, постепенно, въ сторону нѣмца, понижается и кончается затѣмъ обрывисто; тамъ, подъ обрывомъ, рѣчка маленькая, ручеекъ и озеро. На берегу озера — дер. К., изъ которой нѣмецъ выбитъ. А по ту сторону и ручейка и озера — складки такого же, какъ у насъ, подьема, но болѣе ровнаго, болѣе лѣснаго, съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ домиковъ. Въ самой дали, на горѣ подъ лѣсомъ, домики съ красными черепичными крышами, то — Германия. Мы, такимъ образомъ, держимъ нѣмца на самой границѣ.

Ты знаешь, какую красоту придаетъ пейзажу бинокль; а когда смотрѣть на эти планы въ трубу Цейса, то въ восторгъ приходишь бѣшеный.

И все приняло особенный, сосредоточенно выжидательный характеръ. Вотъ, простая, такая простая, обыкновенная проселочная дорога, заворачивающая изъ деревеньки къ лѣсу; но вотъ смотришь на нее и чувствуешь ее какую-то и въ чемъ-то причастность къ войнѣ; вдругъ стала особенностью мѣста, — по ней движутъ орудія, проводятъ колонны, и потому именно, что ведетъ она по ложбинѣ. И такъ расчитаны, такъ имѣются въ виду каждый холмъ, каждое болотце, каждое дерево. Природа здѣсь, какъ инвентарь какой-то — все на счету. И на счету не только у насъ, но и у нѣмца. Вотъ почему такой особенный, напряженный, выжидательный характеръ всего: клокъ земли, какой-нибудь пригорокъ можетъ сдѣлаться вдругъ мѣстомъ драмы...

Я началъ съ того, что все, что я вижу, красиво. И въ самомъ дѣлѣ, прибавь къ тому, что пишу, оживленную воинскую работу, о которой я писалъ въ прошломъ письмѣ, прибавь жесточайшую по всему фронту канонаду, вскинь на небо два-три аэроплана, и ты почувствуешь, мнѣ кажется, эту красоту.

12-го.

Охъ, и жаркій же день былъ у насъ сегодня! Поѣхала батарея на другую позицію и приняла участіе въ бою, который длится вотъ уже третій или четвертый день. Пострѣляла немного и вдругъ попала подъ сильную шрапнель. А лошади были далеко. И пришлось нашему прикрытію на себѣ вывозить изъ-подъ шрапнели орудія и передки со снарядами. Ничего, всѣ цѣлы!

Отошли и стали, и мирно стоимъ на прежней позиціи. А бой идетъ отчаянный.

Пока насъ еще не смѣнили. И когда смѣнить — неизвестно.

13-го.

Сколько свиста, завываній, стоновъ, — не приведи Богъ. Но мнѣ нравится, и такъ странно, и такъ любопытно подь эту музыку... читать! да еще что? — «Грядущаго Хама» Мережковского!

Мой солдатъ, сейчасъ выглядывавшій изъ окопа, ввалился разомъ...

— Какой нахаль! стрѣляетъ прямо по окопамъ!

Въ сущности, до самаго послѣдняго дня, мы были, да и остаемся зрителями. До сихъ поръ я ни разу, исключая аэроплановъ, не стрѣлялъ по нѣмцамъ.

Нѣмцы наступаютъ отчаянно, и видимо съ превосходными силами. К. ими взята. Сейчасъ артиллеристъ передаетъ, что въ окопѣ убиты «чемоданомъ» начальникъ нашей батареи и его адъютантъ.

Твой Андрей.

14-го.

Страшный туманъ. Съ утра близкая ружейная стрѣльба. Пули свистутъ вокругъ нашихъ окоповъ. Съ батареи приказали намъ выйти изъ окоповъ и занять впереди пригорокъ. Шли среди свиста пуль и подь шрапнелью.

Заняли и немного окопались. Лежали безъ стрѣльбы, осыпавые пулями. Видимо, нѣмцы обстрѣливали всю площадь, такъ какъ въ туманѣ ни мы ихъ, ни они насъ не видѣли. Стрѣлять мы не могли, такъ какъ впереди насъ могли быть наши дѣти.

Сейчасъ тамъ оставлена дежурная часть, а часть отведена въ прежніе окопы.

7 ч. вечера. Бой прекратился изъ-за темноты и густѣйшаго тумана, который держится, несмотря на сильный вѣтеръ. Нѣсколько времени я провелъ въ окопѣ артиллерійскаго офицера, который рассказалъ мнѣ, какъ погибъ ихъ начальникъ. Не въ окопѣ, какъ я писалъ.

Въ 150 саженьхъ отъ насъ деревенька. По этой деревенькѣ нѣмецъ билъ «чемоданами». Выбирая позицію, командиръ проходилъ мимо сарая въ тотъ моментъ, когда по сараю ударилъ «чемоданъ». Улавшей стѣной его и его адъютанта придавило, и оба они сгорѣли. Нашелъ онъ ихъ совсѣмъ обуглившимися.

Какой ужасный день сегодня! Больше половины дня мы провели въ полѣ, буквально осыпавые шрапнелью и пулями. Удивленіе, что никто не пострадалъ. Завтра ждемъ дня еще болѣе страшнаго.

Въ полку нашемъ большой уронъ. Раненъ командиръ полка (уже второй), убитъ одинъ изъ батальонныхъ.

15-го.

День ужасный! Нѣмцы были отъ насъ въ 500 шагахъ, пули летѣли тучей. И въ батареѣ, и въ прикрытіи нашемъ есть убитые и раненые.

Временами не совсѣмъ соображаю, что происходитъ.

17-го.

Милый, добрый мой К!.. Долго думалъ я, послать тебѣ или нѣтъ это блѣдное письмо. И рѣшилъ наконецъ послать. Думалъ и думаю: если меня убьютъ, то пусть все-таки и ты, и всѣ вы знаете, что не отъ первой глупой шрапнели или пули я свалился, а успѣлъ-таки кое-что повидать и почувствовать. А у меня теперь какая-то насущная потребность — такъ хочется рассказывать, тебѣ въ особенности, всѣ событія, все, все до послѣдняго, самаго послѣдняго момента.

По почерку ты легко поймешь, что и это письмо мое—

«изъ окопа». Это правда, но только это уже совсѣмъ другой окопъ, только что выстроенный.

15-го произошло слѣдующее:

До поздняго вечера рвалась и освѣщала наши окопы нѣмецкая шрапнель. Часовъ въ 8 бой затихъ, а въ 12-ть нѣмцы предприняли ночную атаку (на нашемъ фронтѣ они усиленно наступаютъ. Вильгельмъ, какъ говорятъ здѣсь, рѣшилъ занять Сувалки). Не знаю о ея результатахъ, но думаю, что безъ успѣха, иначе ихъ пѣхота дошла бы до нашей батареи.

Около 2-хъ час. ночи батарея снялась съ позиціи: пришла наконецъ и смѣна всей нашей бригадѣ (т. е. 4-мъ полкамъ и 3-мъ батареямъ). Заслышавъ въ ночной темнотѣ шумъ колесъ, нѣмцы открыли ружейный огонь, но... ищи вѣтра въ полѣ!

Итакъ мы ушли въ резервъ, пропустивъ мимо себя другіе полки и батареи. Резервъ, правда, пока не полный: отошли назадъ версты 3, окопались и снова открыли огонь.

Скоро, вѣроятно, отойдемъ еще дальше, такъ какъ ожидается прибытіе сюда дѣлхъ двухъ корпусовъ. Но и то благодать, хоть шрапнели рвутся далеко, хоть пуль не долетаетъ, а это, по здѣшнему общему мнѣнію, уже и есть полная безопасность.

Всѣ дни батарея наша стрѣляла чудесно. Очевидцы-солдаты рассказываютъ, какъ въ одну изъ атакъ батарея дала залпъ по нѣмецкой колоніѣ—говорятъ, навалили ихъ дѣлою грудой.

Говорю о прошлыхъ дняхъ: подумай, какой грохотъ былъ, если въ день батареи наши рассчитывали по тысячѣ и больше патроновъ каждая! Да прибавь нѣмецкіе «чемоданы» и шрапнели! Недаромъ пересталъ я понимать, что вокругъ происходило.

Любопытныя сценки происходили ночью. Впереди все небо объято огнемъ, горитъ здѣсь, горитъ тамъ...

Поле, земля, бугры впереди — страшные, колеблющіеся, въ бурныхъ, кирпичныхъ отсвѣтахъ. Но вотъ шумъ колесъ, и разомъ поле усѣивается черными, такими громадными, на фонѣ зарева, фигурами солдатъ. Гремятъ котелками—то въ прикрытіе наше пріѣхала, прискакала на одинъ моментъ наша кухня. Не только пищу привозитъ она, но и хлѣбъ, и сахаръ, и... письма. Это она привезла мнѣ посылку, привозила и привозитъ письма. И тутъ на одинъ моментъ все оживаетъ: распрашиваютъ о полкѣ, о товарищахъ, дѣлуются у горящаго котла, кутаясь, уносятъ въ окопъ горячій обвѣдъ. Это очень любопытныя сцены; но чтобы передать ихъ, нуженъ болѣе теплый день, нежели сегодня.

А сегодня отчаянный холодъ, вода въ лужахъ и оврагахъ, какъ замерзла ночью, такъ и стоитъ весь день замерзшая.

Это, правда, К!.., очень, очень странно, что по мнѣ—«тому самому»—стрѣляютъ теперь. Но это странно, когда я думаю о себѣ, какъ о «томъ самомъ». А обычно я не «тотъ самый», а солдатъ изъ прикрытія 2-й батареи, и мнѣ странно думать, что можно въ Россіи сейчасъ жить, имѣя самое близкое, самое непосредственное дѣло съ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ нѣмца. Все—«онъ». Не правда ли? И чѣмъ ближе къ «нему», тѣмъ ближе къ существу самаго русскаго дѣла.

Большое спасибо за письмо.

Твой Андрей.

ВЪ СТАНЪ ВРАГОВЪ.

ДО ВОЙНЫ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Максимилианъ Гарденъ о причинахъ войны.

Германское правительство, генеральный штабъ и все ученые, публицисты и общественные дѣтели заняты доказательствомъ тезиса, что Германия войны не желала, что она была вовлечена въ войну, «завлеченными соседями» и проч. Максимилианъ Гарденъ, отличающийся большой откровенностью и независимостью суждений, напечаталъ въ послѣдней книжкѣ «Zukunft» статью, въ которой возстаеъ противъ «жалкихъ усилій оправдать поведение Германии». «Скажемъ прямо, говоритъ онъ, что отнюдь не противъ нашей воли мы вовлечены въ эту грандіозную войну. Она совсѣмъ не ливалась для насъ неожиданной. Мы ее желали, мы къ ней стремились и мы были къ ней готовы».

Потери германцевъ на Изерѣ.

О томъ, какія огромныя потери германцы понесли въ затопленной бельгійцами мѣстности между Ньюпоромъ и Дикелпденомъ, рассказываетъ одинъ раненый нѣмецкій солдатъ, находящійся въ плѣну въ Парижѣ.

Онъ принадлежалъ къ отряду въ 1.500 человекъ, расположенному восточнѣ Дикелпдена. Внезапно, въ ночь на 3/18 ноября они почувствовали себя окруженными водой. Солдаты пытались спастись вплавь, но союзники стали обстрѣливать ихъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Къ утру вода стала еще болѣе прибывать; полоска берега, видная германцамъ становилась все меньше. Среди солдатъ началась страшная паника. Тогда высшее французское начальство приказало наводить понтонные мосты для спасенія утопающихъ германскихъ солдатъ. Но большинство изъ нихъ уже погибло въ водѣ. Изъ 1.500 человекъ удалось спасти лишь 40 человекъ.

Военная подготовка гимназистовъ въ Германіи.

Въ германскихъ гимназіяхъ ученики старшихъ классовъ отпускаютъ часто на весь день.—Мѣра эта объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе ранняго наступленія темноты однакъ вечеромъ не хватаетъ для военной подготовки юношества.

Соціаль-демократическая германская фракція о нарушении бельгійскаго нейтралитета.

Депутатъ Гаазе сдѣлалъ слѣдующее заявленіе въ Рейхстагѣ 2 декабря 1914 г.:

«Основываясь на заявленіяхъ имперскаго канцлера о Бельгіи, я отъ имени фракціи свидѣтельствую, что факты, сдѣлавшіеся известными, недостаточны, по нашему убѣжденію, для той точки зрѣнія, изъ которой исходилъ 4-го августа имперскій канцлеръ по отношенію къ Люксембургу и Бельгіи».

Цѣны на съѣстные припасы въ Германіи.

«Vorwärts» сообщаетъ интересныя данныя о повышеніи цѣнъ на съѣстные припасы въ Германіи.

Цѣны на рисъ увеличились болѣе, чѣмъ вдвое, Горохъ расцѣнивался въ июлѣ с. г. отъ 12 ф. ст. 10 шл. до 15 ф. ст. за тонну, а въ октябрѣ отъ 37 ф. ст. 10 шл. до 45 ф. ст. за тонну.

Жестокости австрійцевъ въ Галиціи.

Австрійскія войска, дѣйствующія въ Галиціи, какъ сообщаютъ изъ Рима, принимаютъ жестока репрессивныя мѣры противъ мѣстныхъ жителей, которыхъ безъ всякаго повода подозреваютъ въ сигнализациі русскимъ. Достаточно появленія дыма изъ трубы или свѣта изъ окна, отъ поставленной близко свѣчи, чтобы австрійскія власти признали это за сигнализацию. Обитатели такихъ домовъ, не исключая и женщинъ, немедленно разстрѣливаются.

Одинъ офицеръ въ письмѣ къ своей женѣ пишетъ, что экзекуціи мирнаго населенія, которыя ему приходится производить по распоряженію своего начальства, его такъ разстраиваютъ, что онъ рѣшилъ лучше покончить самоубійствомъ, чѣмъ подчиняться имъ.

Послѣ отправки этого письма офицеръ, дѣйствительно, покончилъ самоубійствомъ.

Ростъ цѣнъ на цинкованную жести въ Германіи.

Vorwärts сообщаетъ, что цѣны на цинковую жести въ Германіи повысились съ 3 марокъ за двойдентнеръ до 50 мар. 20 пф.

Мѣры противъ голода въ Германіи.

Генералъ Кессель издалъ для Берлина и провинціи Бранденбургъ приказъ о необходимости бережно относиться къ запасамъ хлѣба. Исходя изъ того, что приготовленіе

нѣсколько разъ въ день свѣжаго хлѣба приводитъ къ тому, что много хлѣба черствѣетъ и выходитъ изъ употребленія, генералъ приказалъ, чтобы во всѣхъ, безъ исключенія, пекарняхъ печеніе бѣлаго хлѣба заканчивалось не позже 2 часовъ дня, а приготовленіе дрожжей для слѣдующаго дня начиналось не раньше 8 час. вечера.

Потери австро-венгерской арміи.

Имѣются свѣдѣнія, что къ 1-му текущаго ноября австро-венгерская армія потеряла убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти на сербскомъ фронтѣ 3,128 офицеровъ и 143,470 солдатъ. Такимъ образомъ, потери австро-венгерцевъ на этомъ фронтѣ достигаютъ одной трети общаго количества войскъ, посланныхъ ими противъ Сербіи.

Въ Галиціи австро-венгерская армія потеряла 16,600 офицеровъ и 737,160 нижнихъ чиновъ.

Въ Венгріи ранено и убито 67 офицеровъ и 1,703 австро-венгерскихъ солдатъ. Такимъ образомъ, если подсчитать этотъ вѣренъ, можно предположить, что за первые три мѣсяца войны Австрія потеряла болѣе 900,000 человекъ, т. е. приблизительно 27 процентовъ своей арміи.

И ТЕПЕРЬ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Послѣдній портретъ, сдѣланный на войнѣ.

Вильгельм II принимает донесения штаба. Трубачи дают сигнал к спуску рвущимъ въ пространство «Таубе» и «Цепелину».

Закрытіе газеты.

Соціалъ-демократическая газета Volks-Tribune въ Бейрутѣ закрыта за критику реляцій австрійскаго генеральнаго штаба.

* * *

Vorwärts о грабежахъ въ Восточной Пруссіи.

Въ корреспонденціи изъ Восточной Пруссіи, Vorwärts, говоря объ обвиненіяхъ русскихъ войскъ въ грабежахъ, устанавливаетъ, что въ г. Сольдау изо дня въ день уворовывалось все, что только было возможно, въ то время, когда въ этомъ городѣ не было ни одного русскаго солдата, но въ немъ былъ сильный германскій гарнизонъ.

* * *

Дивиденда фирмы Круппъ.

Въ 1913—14 году предпріятія Круппа дали 34 милліона марокъ чистой прибыли. Въ настоящее время фирма увеличиваетъ свой основной капиталъ доводя его до 250 милліоновъ.

* * *

Новые доктора бреславльскаго университета.

По личному представленію Вильгельма, генералъ Гинденбургъ и начальникъ его штаба генералъ Люденбургъ избраны бреславльскимъ Университетомъ докторами политическихъ наукъ.

* * *

Расточительное и безсмысленное потребление хлѣба.

Германскій министръ торговли издалъ приказъ, запрещающій отпускать въ ресторанахъ хлѣбъ безъ особой платы. «Обычай не платить за хлѣбъ особой платы, говоритъ въ этомъ приказѣ, ведетъ за собой расточительное и безсмысленное потребление его».

Слѣдуя этому приказу союзъ рестораторовъ въ Германіи постановилъ отпускать хлѣбъ лишь порціонно.

* * *

Холера среди германскихъ войскъ во Фландріи.

Изъ Голландіи сообщаютъ, что во Фландріи среди германскихъ войскъ свирѣпствуетъ холера. Нѣсколько случаевъ холеры наблюдалось въ восточной Пруссіи и Силезіи.

* * *

В. Вундтъ о художественныхъ сокровищахъ Бельгіи.

Нѣсколько времени тому назадъ извѣстный нѣмецкій историкъ Эмиль Шефферъ высказалъ въ журналѣ «Kunst und Künstler» мысль, что Германіи, за всѣ принесенныя въ Бельгіи жертвы, должна компенсировать себя за счетъ художественныхъ сокровищъ Бельгіи. Жемчужины стариннаго искусства, находящіяся въ общественныхъ зданіяхъ и музеяхъ Бельгіи, должны быть вывезены въ германскіе музеи.

Эта мысль очень поправилась въ Германіи. Всѣ одобряли патріотическій планъ проф. Шеффера. Противъ этого организованнаго мародерства раздались лишь единичные слабые голоса. Между прочимъ слѣдуетъ отмѣтить, что противъ плана Шеффера въ свое время высказался хранитель Берлинскаго музея Вильгельмъ Боуе.

На дняхъ художественный журналъ «Deutsche Kunst und Dekoration» организовалъ анкету по этому вопросу. Теперь всѣ въ Германіи оказались рѣшительными противниками захвата бельгійскихъ сокровищъ. Большинство высказалось отрицательно безъ всякой мотивировки. Такъ напр. извѣстный художникъ Францъ Штукъ и знаменитый политико-экономъ Францъ Листъ.

Нѣкоторые, наоборотъ, сочли необходи-

мымъ «оправдать» свою казалась бы столь простую и естественную точку зрѣнія, длинными разсужденіями.

Среди этихъ мотивированныхъ отвѣтовъ особенно интересенъ отвѣтъ знаменитаго профессора философіи Вильгельма Вундта.

Вундтъ высказывается какъ горячій сторонникъ германскаго имперіализма. Онъ говоритъ: было бы совершенной безсмысленной вывозить какія бы то ни было произведения искусства изъ Бельгіи уже на томъ основаніи что съ этого момента Бельгія—часть Германіи. Только политическая близорукость можетъ продиктовать вредную и опасную тактику обогащать одни части Германіи за счетъ другихъ. Кромѣ того онъ и принципиально долженъ высказаться противъ разоренія музеевъ побѣдителями. Другое дѣло, говоритъ онъ, если бы нѣмцы могли распоряжаться въ музеяхъ Лувра. Отсюда онъ по глубокому убѣжденію Вундта могли бы вывезти много сокровищъ искусства въ Германію.

* * *

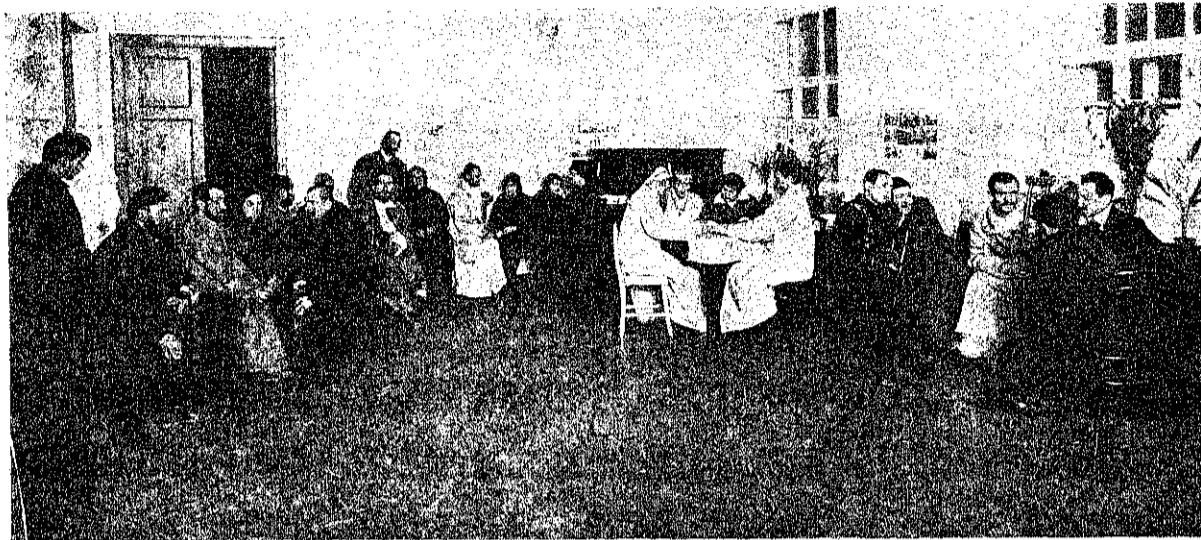
Разореніе бельгійскихъ музеевъ германцами.

Бельгійское правительство въ Гаврѣ сообщаетъ, что Брюссельскіе и Антверпенскіе музеи форменно ограблены германцами. Выдающіяся произведения искусства исчезли. Наибольше богатые залы буквально опустошены. Изъ антверпенскаго городского музея исчезли всѣ драгоцѣнные произведения искусства, а самый музей закрытъ.

* * *

Максимальная цѣна на спички въ Германіи.

По сообщеніямъ газетъ коробка спичекъ стоитъ въ Германіи 42 копейки. Чтобы помѣшать дальнѣйшему росту цѣны предполагаютъ установить максимальныя цѣны на спички.

ПРИЕМНАЯ ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ
«ОТЕЧЕСТВА»
 ВЫЙДЕТЪ ВЪ ДВОЙНОМЪ
 РАЗМѢРѢ (№№ 7—8).
 Цѣна двойного номера 15 к.

Какъ долго будетъ продолжаться война.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Daily Mail» напечатана беседа «съ однимъ изъ крупнѣйшихъ военныхъ авторитетовъ» о томъ, какъ долго будетъ продолжаться мировая война. По нѣкоторымъ указаніямъ въ газетѣ не трудно догадаться, что «военный авторитетъ» — никто иной, какъ генералъ Френчъ.

По мнѣнію Френча, война можетъ затянуться на три года и закончиться не ранее конца 1917 года.

«Трехлѣтнюю войну» Френчъ дѣлитъ на шесть периодовъ. Согласно этому дѣленію, мы сейчасъ находимся въ концѣ третьяго периода.

Первый периодъ начался вторженіемъ германцевъ въ Бельгію и наступленіемъ во Францію.

Второй — сраженіемъ на Марнѣ и отступленіемъ германцевъ до рѣки Энъ.

Третій, настоящій периодъ, можетъ быть названъ борьбой за Калъ. Исходъ этой борьбы можетъ опредѣлиться не ранее декабря.

Четвертый периодъ начнется отступленіемъ германцевъ изъ Бельгіи и можетъ затянуться мѣсяцевъ на 5. Такимъ образомъ, очищеніе Франціи и Бельгіи отъ нѣмцевъ можно ожидать въ концѣ апрѣля или къ началу мая. Тогда начнется пятый периодъ кампаніи — борьба за обладаніе Рейномъ. Этотъ периодъ можетъ протянуться влвое больше и закончится въ февралѣ 1916 года переходомъ союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ.

Послѣ овладѣнія Рейномъ начнется самый трудный и важнѣйшій периодъ войны — наступленіе союзныхъ войскъ на Берлинъ и мирные переговоры. Этотъ послѣдній периодъ можетъ затянуться мѣсяцевъ 10—11.

Такимъ образомъ, по мнѣнію генерала

Френча, война можетъ закончиться только къ концу 1917 года.

Во Франціи расчеты Френча считаютъ чересчуръ пессимистическими. «Если бы, говорятъ тамъ, война велась на одномъ лишь западномъ фронтѣ, возможно, что война затянулась бы на три года. Но надо учитывать силу русскаго удара съ Востока. Операции, которыя требовали бы для своего проведенія многихъ мѣсяцевъ, при этихъ условіяхъ могутъ закончиться въ нѣсколько недѣль».

Во Франціи поэтому охотѣе вѣрятъ предсказаніямъ «авторитетнѣйшей прорицательницы» м-мъ Табъ, которая приурочиваетъ конецъ войны къ 20 марта 1915 г.

* * *

Таинственная вила во Фландріи.

Англійскія газеты сообщаютъ что бельгійское правительство недавно приказало разрушить небольшую германскую крѣпость, построенную около трехъ лѣтъ тому назадъ въ видѣ виллы на холмѣ около Коксида, между Ньюпоромъ и Дюнкерхеномъ.

Холмъ, на которомъ нѣмцы построили свою таинственную крѣпость высотой около 100 ф. господствуетъ надъ всею долиною. Фундаментъ виллы былъ сдѣланъ изъ бетона, а стѣны выложены изъ каменныхъ плитъ, толщиной въ 1 метръ. Окрестные жители смотрѣли на владѣльцевъ виллы, какъ на чудаковъ и много сбѣгали по поводу странной архитектуры зданія. Своими небольшими оконными отверстіями, расположенными въ глубинѣ толстыхъ стѣнъ, оно походило на маленькую крѣпость. Не мало смѣха вызывала подъемная машина, которая вела изъ погреба на крышу зданія.

Народу въ этой виллѣ было всегда немного. Чаще всего тамъ жилъ одинъ только управляющій, по внѣшности очень походившій на военнаго.

Только недавно маленькая крѣпость обратила на себя вниманіе бельгійскаго правительства и была взорвана бельгійскими инженерами. Она была оказывается солидно вооружена, и въ подвалахъ оказался большой складъ снарядовъ.

* * *

Война на островѣ Таити.

Нью-Йоркская Nord-Star рассказываетъ любопытный эпизодъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны жители острова Таити получили сообщеніе о событіяхъ отъ капитана небольшого судна, телеграфъ котораго случайно радиотелеграмму, шедшую въ Гонolulu. Жители Папеэте, главнаго города острова, немедленно организовали отрядъ національной обороны въ 70 человекъ. Одѣтые въ самую разнообразную форму импровизированные солдаты стали заниматься военными упражненіями подъ руководствомъ офицера мѣстнаго портового катера.

Недѣли черезъ двѣ дошелъ слухъ, что въ гавани Микатра осталось германское судно, а такъ какъ островъ принадлежитъ Франціи, то катеръ рѣшилъ захватить германца. Съ небольшой пушкой на борту катеръ подошелъ къ судну взявъ въ плѣнъ капитана, кототый даже не подозрѣвалъ о разыгравшихся въ Европѣ событіяхъ, поднялъ на мачтѣ французскій флагъ и отбуксировалъ судно въ Папеэте.

Комизмъ положенія усилился, когда отсутствіе подтвержденія о возникновеніи войны возбудило тревогу въ мѣстномъ гарнизонѣ, который сталъ опасаться послѣствій своего смѣлаго поступка. Тревога улеглась только тогда, когда англійскій почтовый пароходъ не прибылъ въ назначенное время. Теперь жители Папеэте гордятся своей удачною операцией.

* * *

Къ Рождественскому номеру
«ОТЕЧЕСТВА»

будетъ приложена большая репродукція картины И. Е. РѢПИНА:

«КОРОЛЬ БЕЛЬГІИ НА ПОЗИЦІЯХЪ».

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

В О Й Н А.

С Т И Х И.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, 1915 г.
цѣна 40 коп.

Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУМЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, 1915 г.
цѣна 40 коп.

Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Петроградъ, Б. Болотная, 10.
цѣна 60 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(о еврейскомъ вопросѣ).

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».
Москва, 1915 г.
цѣна 20 коп.

Вся выручка поступаетъ въ «Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны».

ВОЙНА ВЪ ЦИФРАХЪ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславлившія исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

Изданіе журнала «ОТЕЧЕСТВО».
цѣна 50 коп.

Содержаніе 5-го номера:

Ф. СОЛОГУБЪ. Гимнъ (стихи). ● А. РЕМИЗОВЪ. Николинъ Завѣтъ. ● Л. АНДРЕЕВЪ. Крестоносцы. ● СЕРГѢЙ К. Записки офицера. ● А. ГРИНЪ. Повѣсть, оконченная благодаря пулѣ. ● СЪ ВОЙНЫ. Письма участниковъ. ● Г—ЧЪ. Путь войны. ● А. А. Дневникъ въ письмахъ. ● ВЪ СТАНѢ ВРАГОВЪ. (Мелкія сообщенія). ● ОТКЛИКИ ВОЙНЫ. Рисунки: Крестоносцы.—Обложка РЕ-МИ. ● Изъ записной книжки художника. 4 рисунка М. В. ДОБУЖИНСКАГО. ● Гимнъ — рисунокъ В. ЛЕВИТСКАГО. ● Фотографіи съ войны.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БОЛЬШОГО ФОРМАТА.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями мировой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной летописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается въ иллюстраціяхъ и статьяхъ обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШЬ, НА МОРЬ И НА ВОЗДУХЪ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ спеціальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, М. Добужинскій, Франсуа Дюмонъ (F. Dumont), Д. Кардовскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, В. Левитскій, Г. Нарбутъ, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), Н. С. Гумилевъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреиновъ, Л. Добронравовъ, Влад. Гиппіусъ, И. В. Жилкинъ, Е. И. Замятинъ, А. Измайловъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пэрсъ (Bernard Pears), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Н. Д. Телешевъ, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Таффи, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чуковъ, А. М. Фодоровъ, П. Е. Щеголевъ и др.

Въ журналѣ «ОТЕЧЕСТВО» примутъ участіе М. Барресъ, Ж. Гадъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.

ЦѢНА ПОДПИСКИ: 6 р. съ доставкой на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к.

Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ.

На станціяхъ ж.д. дорожн.—10 к.

Цѣна полугодовой подписки по почте 3 руб. 50 коп. впереводѣ 3 руб. 50 коп.

Для гонимыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ общеніи съ редакторомъ журнала, допускается распродажа: при подпискѣ—3 руб., 1-го февраля—2 руб. и 1-го мая—2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ 1-го НОМЕРА:

Заглавный рисунокъ М. ДОБУЖИНСКАГО. ● Отъ редакціи. ● Война. Статья Л. А. ● Г. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ. Когда и какъ кончится война? ● ПЕТРЪ РЫССЪ. Будущее въ настоящемъ. ● ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Письма о войнѣ. I. Освобожденіе. ● Съ войны. ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ. ● К. Ч. Изъ-за чего мы воюемъ. ● Л. ДОБРОПРАВОВЪ. Бабушка. Разсказъ. ● Проф. Д. Н. КАРДОВСКІЙ. Проводы. ● Ф. ДЮМОНЪ. Въ разрушенномъ храмѣ. ● Ю. АННЕНКОВЪ. Краткое описаніе похода нѣмцевъ на Парижъ и обратно. 10 рисунковъ. ● Фотографіи съ войны. ● Рисунки. ● Н. РЕ-МИ. «Они протестуютъ».

СОДЕРЖАНІЕ 2-го НОМЕРА:

Война, народъ и интеллигенція. ● ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Письма о войнѣ. ● О Германцахъ. ● Война на морѣ—съ иллюстраціями. ● Ф. ДЮМОНЪ. Бельгійскія женщины. ● Стихи ФЕДОРА СОЛОГУБА. Восторги слезъ. Въ газаретѣ. Ночной приказъ. ● Г. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ. Когда и какъ кончится война? ● Граждане, помните о солдатѣ. Рис. РЕ-МИ. ● С. ЗНАМЕНСКІЙ. Въ пѣну и нѣмцевъ. ● Съ войны. Фотографіи собѣтъ, корресп. ● Братство народовъ. Будущій миръ. Статья сербскаго посланника М. И. СПОЛАЙКОВИЧА. ● Русскій народъ и англійскій. Статья проф. В. ПЭРСА. ● Странный незнакомецъ. Разсказъ С. АУСЛЕНДЕРА. ● Карриатура Н. РЕ-МИ.

СОДЕРЖАНІЕ 3-го НОМЕРА:

ВОЙНА ВЪ КАРТИНАХЪ. Русскій театръ. ● ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВЪ. Черное по бѣдому. ● СЪ ВОЙНЫ. Письма участниковъ. ● ЕВГ. ЛЯЦКІЙ. По Москвѣ. ● ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Ошибка «офицера» (съ иллюстр. А. РАДАКОВА). ● А. БАКШИ. Англичане въ бою. ● ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Ношо. ● М. СЕМЕНОВЪ. Германія и Швеція.

Цѣна №—15 коп.

СОДЕРЖАНІЕ 4-го НОМЕРА:

Героическое единоборство. ● ПЕТРЪ СТРУВЕ. Чему война учитъ и къ чему она обязываетъ. ● Н. ГУМИЛЕВЪ. Война (стихотвореніе). ● СЕРГѢЙ К. Записки офицера. ● Г. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ. Когда и какъ кончится война. ● П. Р. Заводы Крушна. ● М. БОГОЛѢПОВЪ. Война и международныя экономическія отношенія. ● Л. Б. Отрывки изъ писемъ сестры милосердія. ● П. СУРОЖСКІЙ. Встрѣча. ● Н. РЕ-МИ. Карриатура.

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

РЕДАКЦІЯ журнала «ОТЕЧЕСТВО» приглашаетъ фотографовъ, профессионаловъ и любителей, присылать фотографіи, относящіяся къ нынѣшней отечественной войнѣ. При посылкѣ фотографій просить не стѣсняться качествомъ исполненія; лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать самыя негативы. Должно указывать размѣры желаемого гонорара.